

Надежда Тулына

Весь мир у ног

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Надежда Тулына

Весь мир у ног

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9525485
Весь мир у ног: Роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1972-2

Аннотация

Сначала ты гоняешься за своей Судьбой, а потом твоя Судьба догоняет тебя, и тогда начинаются чудеса... Сперва – другой мир. Сказочный – с эльфами, гномами и, конечно, драконами. Мир, где не все тебе рады, отчего сразу же начинаются неприятности. Стоит немного прийти в себя, как тебе заявляют, что ты не совсем человек, точнее – совсем не человек. Дальше больше – на тебя обрушивается неземная любовь, не знаешь, как отбиться... И все это среди загадочных исчезновений, мрачных убийств и непонятных обычаев «новой родины». А когда в события начинают вмешиваться Боги, то становится совсем весело. И если бы не твоя светлая голова да легкий жизнерадостный характер, кто знает, как бы все закончилось...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Надежда Тулына

Весь мир у ног

Пролог

В эту горную долинку – крошечный безжизненный пяточок, скрытый от любопытных глаз острыми зубцами скал, – не вело ни единой тропинки. В центре ее лежал плоский черный камень – нерукотворный алтарь. Причудливые тени змеились, погружая долину в полумрак. Ледяной ветер пробирал до костей.

Она вылетела из-за скалы, успев в последний момент; перепуганные глаза распростертой на холодном гладком камне жертвы, не отрываясь, смотрели на черный кончик тонкого стилета. Но хлопнули антрацитовые крылья, заскрипел песок под быстрыми шагами вновь прибывшей, и убийца обернулся. Молча отшвырнул от себя ненужную теперь девчонку и двинулся к госте, пожирая ее глазами, впитывая каждый изгиб, каждую черту прекрасного тела, каждый завиток черных, как смоль, волос. Она была само совершенство!

Внешне красавица выглядела невозмутимой, лишь яростный блеск алых глаз да подернувшаяся багрянцем аура выдавали ее чувства. Грозная и неистовая, как буря, она не стала тратить время на слова, а одним гигантским прыжком преодолела разделявшее их расстояние. Миг – и он чудом успел увернуться от клинка, не задевшего даже светлых волос. Убийца выхватил свое оружие – длинное волнистое лезвие, маслянисто блестящее от наложенных на железо чар, и зарычал, увидев брезгливое отвращение на лице противницы. Одно движение, полное неистового гнева, резкий взмах, выпад – и темное острие его меча мягко вошло в нежную грудь. Глаза цвета пламени изумленно расширились.

– Ты... – Четкая линия алых губ была нарушена кровавой дорожкой, побежавшей из уголка рта. Она закашлялась, с ужасом глядя, как по мечу к ней медленно, словно нехотя, ползет удушливая волна омерзительной магии. Соприкасаясь с кровью женщины, волна набирала силу, и пару мгновений спустя чернильные жгуты колдовства оплели безупречно прекрасное тело, скручивая и разрывая его. Один удар сердца – и от ослепительной красавицы остались лишь кровавые ошметки...

Какое-то время убийца стоял неподвижно, ошеломленно рассматривая лезвие в своей руке. Аура его подернулась серо-багровыми сполохами безумия. Крик ярости и боли, отраженный холодными камнями, был похож на рев раненого зверя. Одним ударом расколов каменный алтарь, он уже собрался уходить, когда его взгляд наткнулся на хрупкую фигурку, бессильно лежащую в стороне.

– Она – моя, слышишь, ты?! Все равно – моя! – заорал он вдруг, набрасываясь на свою жертву с кулаками. – Моя! Моя! Моя!

На этот раз оружие ему не понадобилось. Взлетая с узкого каменного карниза, он оставил позади залитую кровью каменную площадку и изломанное тело юной девушки, так и оставшейся для него безымянной.

Глава 1

На пороге чуда

Снилась мне какая-то кровавая жуть – верный признак надвигающегося приступа, так что проснулась я в самом паршивом настроении. Привыкнуть к этому было невозможно, бороться – бесполезно. Врачи бессильно разводили руками. Еще дед, пока был жив, таскал меня по своим медицинским друзьям, но никто ничего не нашел. Хорошо еще, приступы мои с годами не становились ни сильнее, ни чаще – как началось это безобразие лет в шестнадцать, так и шло без изменений.

Я позвонила шефу, предупредила, что сегодня не приду «по техническим причинам». Он тяжело вздохнул:

– Как ты не вовремя, Александра! Нам, между прочим, после обеда на инвестком. Как я без тебя твой проект защищать буду? Ладно, отлеживайся, перенесу на следующую неделю. Сама без героизма давай! Звони, если что потребуется...

Вот уже много лет меня регулярно, раз в пару месяцев, иногда чуть чаще, иногда реже, накрывало приступом жестокой головной боли. За несколько лет совместной работы шеф успел смириться с тем, что один из его самых ценных сотрудников время от времени на два-три дня полностью теряет работоспособность. Не сразу, конечно – первое время он раздражался, потом протащил меня – за счет компании – через обследование у лучших врачей, из которых никто не смог ничем помочь, потом отступился.

Первый «звоночек» прозвенел, едва я успела положить трубку. Начало темнеть в глазах – медленно, от периферии к центру, так что спустя несколько минут я словно смотрела на мир через две крохотные дырочки в темной бумаге. Торопливо дошла до спальни, устроилась на кровати, вцепилась зубами в одеяло. Хорошо еще, Маруська уехала на неделю к друзьям. Не дело детям видеть родителей в таком состоянии. Вспомнив о дочери, я, несмотря на быстро усиливающуюся головную боль, слабо улыбнулась. У моей светлой девочки начался романтический период, она стала такой забавной и мечтательной!

Приступ мигрени накатил, выметая из головы все мысли, а с ним пришло знакомое чувство ужаса, безысходности и паническое ощущение приближающейся смерти. Я свернулась на постели тугим комочком, боясь лишней раз шевельнуть головой. Малейшее движение сопровождалось болезненным взрывом в правом виске. «Это не навсегда, не навсегда, не навсегда!» – как заведенная, крутила я в голове мантру, спасающую меня от безумия. Мне показалось, что прошла вечность, наполненная страхом и болью, прежде чем мои страдания пошли на убыль. Я взглянула на старинные ходики на стене – сам приступ длился чуть больше часа. От него осталась ноющая боль в висках и мучительная слабость.

Только ближе к вечеру я нашла в себе силы, чтобы выйти из дома. Прогулка на свежем воздухе, как правило, помогала быстрее прийти в себя. Полуболевшись на свою бледную и осунувшуюся физиономию в зеркальной стене лифта, я медленно побрела в парк.

Именно из-за этого чудесного, огромного и запущенного «почти леса» я в свое время и купила здесь квартиру. Надела наушники, и отдаленный городской шум отступил, смывтый скрипками и виолончелями. Пасмурное небо, хмурое московское предзимье. Благодаря вчерашнему снегопаду осенней слякоти пришел конец. Снег прикрыл мусор, разбросанный вдоль тропинок, окутал невесомым пушистым покрывалом черные изломанные ветви. Еще пару дней назад деревья выглядели безнадежными калеками, а сейчас вдруг стали причудливо элегантными.

Я шла по безлюдным дорожкам мимо засыпанных снегом скамеек, мимо почти пустой детской площадки. Лишь одинокий ребенок лет десяти, то ли мальчик, то ли девочка (сейчас

их так одевают – не разберешь), медленно покачивался на качелях, провожая меня взглядом из-под светлой челки. На несколько секунд и мне остро, почти до боли захотелось вернуться в детство – время, когда чудеса еще возможны.

Вот и конец моей любимой аллеи, упирающейся в крутой склон, почти обрыв. Я привычно глянула вниз; небольшая полянка под обрывом всегда казалась мне волшебной, сама не знаю почему. Прямо подо мной, рядом с крохотной речушкой, стояли какие-то непонятные бетонные развалины, до того неуютные на вид, что даже местные алкаши никогда там не устраивались, хотя летом и тенек густой, и есть, где сесть, постелить газетку, разложить выпивку-закуску.

Припорошенная снегом конструкция тоже преобразилась, стала сказочным лабиринтом; лохматый куст в центре, должно быть, дракон, подстерегающий неосторожных путников. А вот эта торчащая арматура будет у нас замковыми оборонительными сооружениями... Я перегнулась через низкий бордюр, вглядываясь в переплетения бетонных балок и плит – показалось, что внутри пульсирует, разгораясь, радужный огонек. В этот момент что-то резко и сильно ударило меня в спину. Удержаться на ногах не было ни малейшего шанса – я стояла на самом краю обрыва, даже немного наклонившись вперед. И вот, подавившись собственным криком и крепко зажмурившись от страха, я понеслась головой вниз, прямо на торчащую из бетона арматуру.

Говорят, в критические моменты чувство времени у человека меняется, и последние несколько секунд растягиваются так, что он успевает вспомнить всю свою жизнь. Не врут. Жизнь моя пролетела перед глазами: детство, любимый дед, заменивший мне рано погибших родителей, учеба в институте, короткий несчастливый брак – кошмар, о котором я так старалась забыть, рождение Маруськи, моей гордости, моя работа...

На пункте «работа» мне показалось, что падение длится как-то уж слишком долго, так что я рискнула приоткрыть глаза. И тут же снова зажмурилась: вместо неуклонно надвигающихся на меня бетонных блоков с торчащими железными прутьями впереди, насколько хватало глаз, тянулись гладкие стены тоннеля, сотканного из бело-радужного пульсирующего света, вдоль которых я неслась с головокружительной скоростью. Видимо, размышляя о бессрочно закончившейся жизни, я пропустила момент удара и теперь перешла к следующему этапу. Интересно, в источниках на тему «того света» сам тоннель темный вроде, а свет только в конце, почему же тогда... Ох!

Удар был неожиданным и довольно ощутимым, к тому же, падая, я прикусила язык, – больно, да еще и до крови, судя по солоноватому привкусу. Но это же значит, что я жива?! Осторожно приоткрыв глаза, чуть осмотрелась и, кажется, забыла, как дышать от изумления, потому что место, в котором я очутилась, никак не могло быть Москвой. Более того, у меня возникли серьезные сомнения, что оно может быть Землей. Так... Или я крепко ударилась головой и все происходящее со мной – это бред. Или я сошла с ума, и это... тоже бред. Ну и самый невероятный вариант: со мной произошло то самое чудо, о котором я смутно тосковала несколько минут назад. Вот только я бы предпочла прочитать о таком чуде в толстой книжке с картинками, уютно устроившись в кресле. Ведь *на самом деле* от таких приключений ничего хорошего ждать не приходится.

Привычку читать фэнтези я переняла от дочери, которая еще в средней школе вдруг принялась взахлеб рассказывать мне про драконов, эльфов и всяческие чудесные попадания в параллельные миры. С детства предпочитая детективы, я сперва посмеивалась над «несерьезным чтивом», но постепенно втянулась. Таким образом, мой замечательный бред вполне можно было бы объяснить избытком фэнтезийной дури в организме. На всякий случай я несколько раз открыла-закрыла глаза, ущипнула себя и потрясла головой. Открывавшийся мне вид ничуть не изменился. Так, спокойно, Александра! Исходить следует из того, что это все-таки чудо. Это самое разумное. Если окажется бредом, никто и не узнает, а вот с чудом,

если это оно, придется разбираться. Вернув себе подобие душевного равновесия, я встала и огляделась.

Надо мной, подтверждая самые смелые сомнения в реальности происходящего, высилось пронзительно-голубое небо, украшенное двумя бледными лунами. Одна – очень похожая на нашу Луну, вторая – почти вдвое больше, да еще и с сиреневым отливом. Обе в третьей четверти, до полнолуния неделя, автоматически отметила я. Если у них тут длина месяца как у нас, конечно. Так, астрономическими наблюдениями займемся чуть позже, сейчас надо срочно спускаться на землю.

На земле тоже было на что посмотреть. Я приземлилась на кучу старой соломы в небольшом закутке между какими-то ветхими деревянными сараями. Сам закуток размещался на склоне горы, склон этот плавно спускался в долину, которая, в свою очередь, выходила к морю сказочно-бирюзового цвета – того, что так часто изображают на рекламных проспектах туристических агентств. До сегодняшнего дня я была свято уверена, что такой цвет можно увидеть только в фильмах и на щедро отфотошопленных картинках, но нет же, вот еще один вариант – как следует повернуться с обрыва, предположительно вмазавшись головой в бетонные блоки... или чудесным образом попасть в другой мир. Я подавила истерический смех и принялась изучать ближайшие окрестности.

В долине, раскинувшейся у моих ног, располагался город самого что ни на есть туристически-средневекового вида. Неуловимо европейский, вроде Праги, Котора или Амстердама, только домики почему-то с полукруглыми фасадами. Улицы из-за необычной формы домов и отсутствия прямых углов казались небрежно скрученным кружевом, а сам город был похож на замысловатую узорчатую спираль, от которой в стороны расходились мелкие боковые ответвления, в одном из которых я и оказалась. На вершине прибрежного холма, чуть в стороне от города, высился величественный замок из светлого камня. Четыре огромные башни, зубчатые стены и, кажется, даже подъемный мост – на таком расстоянии рассмотреть детали было сложно.

Я снова переключилась на город. Несмотря на необычные черты, все равно было похоже на старую Европу – красные крыши, трубы с белым дымком, горбатые каменные мостики над извилистой речкой, спускающейся с невысоких гор, и многочисленные шпили крошечных изящных башенок. Широкие и степенные в «парадной» части города, внизу улицы становились уже и заплетались в совершенно уж непроходимый лабиринт. Крыши темнели, строения мельчали и без всякого видимого перехода вдруг расплзались по широким волноломам и уходящим вдаль причалам, тоже изогнутым дугой. Возле причалов стояли кораблики – крупные и мелкие, парусные и чудные колесные, похожие на старинные парходы.

Щеки пощипывал легкий морозец, но снега не было. Солнце стояло довольно высоко, то есть дело было в середине дня. Сняв наушники, я услышала шум моря, ветер и гул города – совершенно не такой, как у нас, но не оставляющий сомнений в том, что это – город.

Нужно было что-то делать – куда-то идти, искать ночлег, еду, как-то устроиться, а главное – выяснить, есть ли у меня возможность вернуться. Это юные девы – героини фантастических романов – легко начинают новую жизнь в новых мирах, находят там себе мужчину мечты, овладевают новой профессией. Еще бы, у них вся жизнь впереди! А у меня возраст, дочь на первом курсе, вполне себе любимая работа, хотя черт бы с ней, с работой... Просто я точно знаю, что в сказках – сплошное вранье. «Не хочу чудесный новый мир, хочу домой! – расстроено подумала я. – Все хорошо вовремя, и в эту сказку надо было отправлять меня лет двадцать назад». Впрочем, кто бы меня спросил...

Ветер донес до меня новые запахи, и я брезгливо скривилась – судя по ароматам, у них тут проблемы с канализацией, отопление печное, и горячей воды наверняка нет. Ладно, если это не посттравматический бред, мои мозги при мне, а это уже немало. Надеюсь, с правами

женщин тут не так паршиво, как в Средние века. Впрочем, при любом варианте выкручусь, главное – не раскисать и смотреть на вещи позитивно. В конце концов, когда еще удастся выбраться на экскурсию в совершенно неизвестный мир!

Подбодрив себя этим рассуждением, я внимательно огляделась, стараясь мыслить конструктивно. Приземлилась я, судя по всему, в каких-то трущобах – строения вокруг были крайне неказистыми. Люди, которых я смогла разглядеть на ближайших улицах, щеголяли живописными многослойными лохмотьями. Хорошо, что я сегодня по случаю прогулки была одета удобно и неброско – в черную куртку, кроссовки и черные же джинсы. Вот шеф вспомнит меня добрым словом на ближайшем инвесткоме! Последние пару лет он в мои проекты не вникал, так что ему придется осилить огромный объем информации... Впрочем, у меня сейчас проблемы посерьезнее торгов с инвесторами. Я грустно вздохнула. Соберись уже, тряпка!

Итак, план на ближайшее время. Во-первых, надо, не привлекая к себе внимания, пробираться в город, выбирая, по возможности, приличные районы. Во-вторых, выяснить, что у меня с языковым барьером – маловероятно, что в реальности существуют все те волшебные эффекты, которые позволяют пришельцам из «параллельного мира» с легкостью понимать аборигенов. В-третьих, как-то надо на первых порах устроиться. Сосредоточимся на простых вещах: безопасность, ночлег, еда...

Господа сказочные рыцари и прочие принцы на белых конях! Принцессу предложить не могу, но если что, вот она, я – самое время спасать! Что, никого нет? Ну и фиг с вами! Сама справлюсь!

Забравшись на приступочку ближайшего сарая, осмотрела лабиринт улиц сверху, постаралась запомнить план зоны моих боевых действий. Прикинула наиболее короткий маршрут к приличным районам, провела краткую ревизию содержимого карманов – вдруг есть что-то, что можно использовать в качестве оружия или для обмена на еду. Беспольный мобильник, наушники, часы, золотое кольцо, ключи, пригоршня мелочи, проездной на метро, пластиковый пропуск в офис. Не густо. Идти решила, не прячась, с крайне целеустремленной физиономией, при попытке со мной заговорить буду делать вид, что я занятая иностранка, что, в общем, недалеко от истины. Итак, делаем морду кирпичом и решительным шагом выходим на узкую улочку!

Мой план отлично работал целых полчаса. Я почти покинула трущобы – а это были именно трущобы, с покосившимися домами, грязной вонючей мостовой (мне еще повезло, что был морозец), крысами и кучами мусора в самых неожиданных местах. Моя одежда была скорее мужской, низко надвинутый козырек шапки и шарф, намотанный на подбородок, скрывали лицо, а моя широкая размашистая походка никогда не была женственной. Встречающиеся мне оборванцы не особенно обращали на меня внимание. Пару раз меня пытались окликнуть, но я проигнорировала выкрики в спину – и никто не бросился вслед.

Мне оставалось спуститься на пару уровней, чтобы достичь приличных улиц. Я уже видела ухоженные черепичные крыши, конные повозки и цветы на окнах, когда между камней под моими ногами что-то блеснуло. Быстро оглядевшись – вокруг ни души, я подняла прелестный серебряный кулончик в виде трех лепестков пламени. В каждом лепестке был камешек своего оттенка красного, поэтому казалось, что пламя живое. Мне даже померещилось, что кулончик немного нагрелся от моего прикосновения. Сочтя свою находку добрым знаком, я засунула ее в задний карман джинсов.

Несмотря на благоприятное, казалось бы, предзнаменование, уже за следующим поворотом удача меня покинула. Сзади вдруг раздался длинный переливчатый свист, а из темной подворотни в десятке метров передо мной вынырнули три темные тени. Я бросила взгляд через плечо – сзади бежали еще двое.

По всем законам жанра тут-то бы и появиться какому-нибудь спасителю, разогнать обнаглевшую шпану, оказаться прекрасным принцем, ну или, на худой конец, просто благородным рыцарем. Но такие сказки мне почему-то никогда не достаются, вечно приходится самой решать свои проблемы. Я извлекла из кармана куртки пригоршню мелочи и тяжелую связку ключей – три ключа от квартиры, два от офиса, ключи от машины и от гаража. Отступила к глухой стене – так сзади по голове не огреют. Не тем я занималась в жизни, ох не тем! Надо было тренироваться, осваивать карате, сейчас бы живо наkostenяла этим злобным доходягам и легкими прыжками унеслась бы в туманную даль!

Доходяги между тем неспешно приближались. Главный – его легко было вычислить по самому наглому виду – что-то сказал с мерзкой усмешкой, открывшей дырку вместо переднего зуба. Вопрос с языковым барьером прояснился – я ничего не поняла, ни славянских, ни латинских, ни германских корней в его речи не прозвучало, хотя построение фразы и интонационный рисунок были вполне ясны. Скорее всего, предлагает отдать все добровольно. Или пошло шутит. Да, точно, шутит – его подельники мерзко захихикали. Воодушевленный моим молчанием, щербатый подошел почти вплотную. Из рта у него воняло тошнотворно. Он посмотрел на мех моей куртки и присвистнул. «Это же трущобы! – вдруг осенило меня. Я похолодела. – От них колечком не откупишься, разденут догола!»

Чертов принц на белом коне все не появлялся, так что рассчитывать на помощь извне не приходилось. Я злобно ощерилась, сделав одновременно две вещи: левой рукой швырнула пригоршню монет в лицо сутулого тощего субъекта, заслоняющего мне выход, и из всех сил залепила щербатому в ухо правой с зажатыми в ней ключами. И тут же рванула вниз по улице. Какая же молодец я, что надела кроссовки!

Но даже в кроссовках бежала я слишком медленно, неповоротливое дитя современной цивилизации, жалкий адепт вкусной еды и сидячей жизни. Бандиты нагнали меня в переулке, выходящем на «приличную» улицу. Ударили сзади чем-то тяжелым. Ну где же ты, спаситель на белом коне? Я рухнула на камни мостовой, основательно приложившись головой. В глазах потемнело. Я еще успела почувствовать, как с меня содрали куртку, шапку и кроссовки, пнули в живот, наступили на руку тяжелым ботинком... Вроде бы кто-то закричал – наверно, это была я... Потом в голове взорвалась боль, и все пропало.

Сознание возвращалось медленно и крайне неохотно, и понятно почему – стоило мне чуть-чуть прийти в себя, как я почувствовала мучительную боль – болели голова, спина, руки. Очень хотелось пить. Меня знобило, а по ногам бегали какие-то подозрительно увесистые мурашки. Совсем не хотелось открывать глаза, но делать было нечего. С минуту передо мной плавали только темные круги, но постепенно зрение прояснилось.

Стояла ночь – ослепительно красивая, звездная. Я лежала, судя по всему, у стены в том самом переулке, прямо на стылой земле, босая, раздетая до джинсов и тонкой водолазки с разорванными в клочья рукавами. Снять, что ли, пытались? Ревматизм – это самое меньшее, что я уже подхватила. Я попробовала сесть и едва не заорала: во-первых, эта попытка резкой болью отозвалась в позвоночнике, а во-вторых, «мурашки» оказались парой крыс, лениво сидевших на моих ногах. Мой вскрик быстро перешел в сипение и бульканье – кажется, кровь пошла горлом. Что ж, это – проза *настоящей* жизни, которую вам не опишут ни в одной сказочной книжке, уж очень быстро она тогда закончится.

Я лежала, глядя на незнакомый рисунок созвездий, в груди болезненно хлюпало при каждом вздохе, а из глаз лились тихие слезы – на большее просто не хватало сил. Было безумно обидно умирать вот так, в первой попавшейся грязной подворотне сказочного мира. Но книжки пишутся не о таких, как я... Ау, принц, черт бы тебя побрал! Спасай уже меня, или будет поздно! Вечно вас не дозовешься, когда надо... Холод пробирал до костей. Звездное небо надо мной расплылось от слез, мигнуло раз, другой, и погасло. Мир стремительно

заволокла тень, мне показалось, что я лечу – который уже раз сегодня. Рот наполнился теплой соленой жидкостью... кровь? Я отключилась.

Глава 2

Две луны

«Видимо, все происшедшее со мной все-таки было бредом», – поняла я, увидев, что нахожусь в больничной палате. Светлые стены, белая с замысловатым цветочным узором ширма, постель, темный прямоугольник окна, занавешенный легкой шторой. Прямо перед моим носом лежала рука – моя рука, в лубке. Одна нога висела на оттяжке, задранная вверх. Голова также была забинтована, край бинта маячил в поле зрения. Я попробовала пошевелиться и, не сдержавшись, застонала – тело пронзила резкая боль. Ничего себе, влетела! Наверняка еще и сотрясение мозга имеется, что-то меня затошнило вдруг. Что это за больница? Не похожа на обычную. Сколько я здесь провалялась? Знает ли уже Маруська? Что на работе?

Откуда-то сзади раздался звук открывающейся двери, и послышались быстрые шаги. Появившийся в поле моего зрения высокий худощавый мужчина мягко улыбнулся и спросил:

– Как ваше самочувствие?

Лицо его, угловатое и асимметричное, было обрамлено короткими темными волосами. Усы и небольшая бородка – такие, кажется, называют эспаньолками – аккуратно подстрижены. Его нельзя было назвать красивым – слишком резкие и жесткие черты лица. Впрочем, впечатление он производил скорее приятное, особенно когда улыбался. Сначала мне показалось, что он немногим старше меня, но, заглянув в серьезные глаза, я поняла, что ошиблась. Старше, гораздо старше, хотя выглядит для своего возраста просто превосходно. Стиляга – без халата, в каком-то очень оригинального покроя то ли френче, то ли пиджаке. Это, впрочем, ни о чем не говорит. Может, он, как доктор Хаус, ненавидит халаты, а врач хороший. Главное, что говорит по-русски! То есть я все-таки на Земле.

– Вы врач? Это Москва? Боже мой, это были глюки, какое счастье! – просипела я и неожиданно для себя разрыдалась – от непереносимого облегчения слезы безудержно хлынули из глаз. Мужчина немного опешил от столь бурной реакции на свой невинный вопрос, но врачи, наверно, привыкли к странному поведению пациентов.

– Ну-ну, не стоит расстраиваться, – ласково забормотал доктор, ловко утирая мои слезы, – все уже хорошо. Вам ни в коем случае нельзя волноваться сейчас, так что возьмите себя в руки. Вот выпейте-ка! – Не дожидаясь моего ответа, он влил мне в рот пару глотков теплого кисловатого напитка и положил на лоб прохладные пальцы. Его невозмутимое спокойствие, видимо, как-то передалось и мне, истерика отступила. Немного отдышавшись, я застенчиво объяснила ему причины моих слез.

– Черепно-мозговые травмы могут вызывать галлюцинации, – дружелюбно подтвердил доктор мои предположения. – То, что вы рассказали, исключительно интересно! Давайте сделаем так. Я сейчас вас осмотрю – пульс, температура, повязки, а вы мне расскажете подробно, что с вами произошло – и наяву и... в вашем бреду. Старайтесь только не напрягать горло, говорите лучше вполголоса или совсем шепотом.

Изъяснялся он очень церемонно, будто не сидел у постели больной, а находился на официальном королевском приеме. Поначалу я немного смущалась, излагая содержимое своего бреда, но мой собеседник слушал внимательно, задавая уточняющие вопросы так серьезно, как будто речь шла о совершенно реальных событиях. «Должно быть, интересный клинический случай, – подумалось мне, – так на моем примере еще и диссертацию напишут – «О влиянии прочитанного на содержание галлюцинаций при черепно-мозговых травмах». Войду в историю!»

Пока я рассказывала, врач успел подержать меня за запястье, пробежался чуткими длинными пальцами по повязкам, посветил в глаза забавным фонариком в форме светящегося шарика, который очень ловко откуда-то извлек, а потом так же ловко, как фокусник, куда-то спрятал. Покачал головой. Подумал немного, затем исчез из поля моего зрения, звякнул посудой у изголовья.

– Выпейте еще и это. – У моего лица появилась чашка, из которой пахло чем-то противно-лекарственным, я послушно проглотила терпкое питье. – Вам необходимо поспать.

– Подождите, доктор! – Я вдруг сообразила, что даже не знаю, как его зовут. – Мне нужно позвонить дочери и на работу. И скажите, пожалуйста, надолго ли я у вас тут застряла?

– Дочери? – На секунду мне показалось, что он потрясен, но нет, видимо, померещилось, он был все так же доброжелателен и невозмутим. – Хм, подскажите, как ее найти, я с ней свяжусь. А мужу... не надо позвонить? – сухо, почти неприязненно спросил он. Я попыталась помотать головой, но быстро поняла, что делать этого не стоило, в глазах потемнело.

– Не шевелите головой, при вашей травме это вредно.

На мой лоб снова легли сухие прохладные пальцы, стало немного легче.

– Я все понял: с дочерью свяжемся, с мужем не надо. С работой разберетесь потом, это не к спеху. И настраивайтесь на то, что вы застряли *здесь* надолго. – Он лукаво усмехнулся, как будто находил в этом что-то ужасно забавное.

Станный немного у человека юмор. Я продиктовала ему пароль от мобильного и объяснила, что в телефонном справочнике надо искать запись «Маруська». Потом попробовала было задать ему еще какие-то вопросы, но вдруг поняла, что сил у меня нет совершенно, а язык заплетается и отказывается меня слушаться. Я жива, я почти дома, я в безопасности, куда мне спешить? Глаза мои сами собой закрылись, и я провалилась в сон.

В следующий раз я пришла в себя днем, в окно било солнце. Растяжку с ноги сняли, остались только бинты, – странно, так быстро? Не могла же я проспять месяц? Или бреда в моих воспоминаниях больше, чем кажется? На голове еще что-то намотано, левая рука без бинтов, на правой вместо лубка осталась только легкая повязка. Ужасно хотелось в туалет, умыться, попить, надо было срочно звонить Маруське и на работу. Я даже не знаю, какое сегодня число, в какой больнице я лежу, нашли ли они мою страховку и во сколько мне этот незапланированный отпуск обойдется! Надо было вместо того, чтобы развлекать доктора своим красочным высокохудожественным бредом, выяснить более практические вопросы, а я...

Прислушалась к себе – чувствую себя вполне сносно. Повернулась на бок, медленно и аккуратно спустила ноги на пол. Холодовато, тапочек нет, но ничего, потерплю. Теперь сесть... Ох! Поясницу пронзила боль, я дернулась; пальцы нащупали тугую повязку поперек живота. Ничего себе, пока лежала, даже и не болело. Но не гипс, не корсет, просто повязка. Зато понятно, откуда глюки про позвоночник. Так, а теперь – встать!

Меня ощутимо качало от слабости, но падать я не падала. Стараясь крутить головой плавно, не делая резких движений, осмотрелась. Кровать, столик у изголовья, на нем стакан с водой и бутылка темного стекла с затейливой этикеткой под старину. «Современный маркетинг медицинских препаратов: «Мы лечили еще ваших прадедушек!» – ухмыльнулась я про себя.

Двинулась было к двери, но, поддавшись внезапному порыву, развернулась и шагнула к окну, отдергивая штору – интересно же, где я. От увиденного мои колени резко ослабли, и я тихо застонала, бессильно сползая на пол. Из узкого окна открывался вид на все тот же закрученный спиралью город. С пронзительно-голубого неба, на этот раз – с мелкими облачками для разнообразия, издевательски смотрели две луны. Все в той же третьей четверти.

...Мне снилось, что я маленькая девочка и дедушка несет меня на руках спать. Я плавно покачивалась, убаюканная его шагами, он поцеловал меня в лобик и, тяжело вздохнув, сказал глухим голосом:

– Бедный мой воробушек, такое потрясение!

Я попыталась поуютнее устроиться в его бережных объятьях, и со стоном открыла глаза – потревожила поясницу. Меня действительно несли на руках, только не дедушка, а темноволосый врач из моего бреда. Увидев, что я открыла глаза, он, смутившись немного, замедлил шаг, а затем насмешливо-светским тоном пояснил:

– Вы очень беспокойная пациентка, должен заметить. Поскольку вы поспешили все разузнать самостоятельно, я решил переселить вас в более уютные покои. Доберемся до спальни, устрою вас на новом месте, и мы поговорим, хорошо?

– А я не могу... дойти сама?

Первый порыв – орать и сопротивляться – я подавила в зародыше. До сих пор не убили и даже лечат – значит, пока я в безопасности. Но очень хотелось ощутить твердую почву под ногами, к тому же мне было неловко – пожилой человек все-таки. Хотя нес он мой вес без видимого напряжения, даже дыхание не сбилось.

– Ерунда, – бросил мой... мой врач? – вы месяц пробыли без сознания и сами далеко не уйдете, на ногах бы устоять. – Он широко улыбнулся и шутливо заметил: – К тому же это жестоко, лишать меня удовольствия носить на руках такую симпатичную девушку.

– Ме-е-есяц? – жалко проблеяла я. – А как же... Маруська, моя работа?

– Подозреваю, что как-то они там без вас справляются, – разом посерьезнев, отрезал мужчина, ногой распахивая дверь в просторную светлую гостиную, обставленную громоздкой, но очень уютной мебелью – огромный резной гардероб, пушистый ковер. Я не успела все рассмотреть, потому что мы сразу перешли в спальню. Кровать под золотистым балдахинном, туалетный столик, какие-то причудливо изогнутые диванчики в углу, пара глубоких кресел, филенчатое окно. По стилю вполне соответствует тем средневековым видам, что я наблюдала, машинально отметила я.

– Вы хотели бы умыться? Пить? Есть? И скажите, наконец, как вас зовут?

Мы стояли посередине комнаты, но с рук меня не спускали. Сюрреализм происходящего зашкаливал настолько, что я даже в истерику не впала, мне все казалось, что вот-вот проснусь.

– Меня зовут Саша. Да, я хочу умыться... и одеться. – Небольшая ревизия показала, что я завернута в простыню, под которой нет ничего, кроме бинтов. – И пить. А как мне называть вас?

– Сашша? – Доктор странно произносил мое имя, удваивая шипящую. Кажется, оно его чем-то поразило. Он очень пристально взгляделся в меня, прищулив глаза, разочарованно покачал головой, словно не увидел чего-то важного для себя. – Приятно познакомиться, *несса* Сашша. Зовите меня Гаррет. *Ньес* Гаррет, – ответил он и, толкнув дверь плечом, внес меня в большую ванную комнату. – Здесь все примерно так же, как в вашем мире, так что разберетесь, – сказал он сухо. – Я скоро вернусь.

Мои опасения насчет отсутствия удобств в этом мире не оправдались, что немного успокаивало – может, и в остальном он окажется не таким отсталым? Да и вообще, грех мне жаловаться! Пусть и не без потерь, но с проблемой языкового барьера я как-то не столкнулась, спасти меня спасли, знать бы еще, зачем, но не похоже, чтобы собирались злобно мучить. И вряд ли столько возни для того, чтобы жестоко надругаться. Подумав об этом, я скептически хмыкнула. О моем мире этот *ньес* Гаррет тоже знал, и, похоже, не понаслышке. Так что шансы на возвращение можно оценить как неплохие.

Совсем повеселев от этой мысли, я рискнула снять повязки, чтобы помыться. Каждое движение давалось с трудом, приходилось часто отдыхать. На ванну меня не хватило, обо-

шлась душем, после чего принялась рассматривать себя в огромном, темного стекла, зеркале. Картинка была настолько неприглядной, что даже слезы навернулись. Вокруг глаз красовались синяки, страшные, почти черные. Видимо, от ударов по голове. От виска к уху шла полузажившая ссадина, на щеке вздулась жуткая гематома... Шея была исцарапана, на спине вокруг поясницы – сплошное синее пятно, чуть пожелтевшее по краям. Правая кисть слушалась меня неважно. На ногах и руках кое-где были крупные синяки, но по сравнению с головой и поясницей это была ерунда. Я заметно похудела (мыслим позитивно, это хорошо!), но ноги с трудом держали оставшийся вес – еще бы, месяц в постели. Хотя какой месяц, синяки-то свеженькие, от силы неделя. Интересно, как такое возможно? Или часть моих воспоминаний все-таки бред? В любом случае я довольно легко отделалась.

– Я в первую очередь сосредоточился на устранении внутренних повреждений, несса, – пояснил мне Гаррет, появившись бесшумно, как призрак. – А синяки и поверхностные раны просто погрузил в стазис... законсервировал и обезболит. Поэтому они заживают так медленно.

Он вошел без стука и увидел, как я грустно рассматриваю себя в зеркале.

Я смутилась и судорожно дернулась за своей простыней. Получилось неуклюже, я не рассчитала сил и едва не упала. Мой новый знакомый с непроницаемым лицом поймал меня практически на лету и бережно, точно хрупкую вазу, закутал в большое пушистое полотенце.

– Спину мы вам долечим через неделю, голова почти в порядке, – придерживая полотенце, продолжал он, тактично не замечая моего смущения. – Дней через десять дойдем до синяков, пусть они вас не тревожат, пройдут бесследно. К сожалению, в силу некоторых проблем с магией вы выздоравливаете очень медленно. И, пожалуйста, больше не снимайте повязки без меня!

Я тупо молчала, происходящее упорно не желало укладываться в моей голове. Не дождавшись ответа, доктор снова подхватил меня на руки, отнес на кровать, бесцеремонно развернул, вымазал с ног до головы какой-то прохладной, моментально впитывающейся мазью, забинтовал поясницу и руку. Затем ньес Гаррет залез в шкаф и, порывшись в нем, достал длинную старомодную ночную сорочку.

– Я позволил себе подобрать вам кое-какую одежду, потом посмотрите, выберете, – сказал он, протягивая мне сорочку. – Пока достаточно будет этого, сейчас я помогу вам одеться. Вставать еще несколько дней нельзя. – Под его пристальным, оценивающим взглядом мне стало не по себе, и я почувствовала, что краснею. Стоит, рассматривает меня, как диковинного зверя... Он раздраженно дернул левой бровью, молча помог мне облачиться в ночную рубашку, на ощупь похожую на очень нежную фланель, завязал тесемки на воротах – меня плохо слушались пальцы – и назидательно произнес:

– И прекратите стесняться и раздражаться. Вам вредно нервничать, нельзя много двигаться, и вообще требуется покой, так что извольте терпеть мою помощь. Я врач, любезная несса, смущаться меня просто нелепо.

– «Несса» – это обращение? – уточнила я непонятное слово. Мой собеседник кивнул, и я продолжила: – Простите, ньес, но мое волнение естественно, вы не находите? – Я через силу заставила себя вежливо улыбнуться, надеюсь, не слишком вымученно. – Конечно, большое спасибо вам за заботу. Вы не очень удивлены, увидев меня здесь, понимаете наш язык, знаете, как выглядят ваннные комнаты на Земле... Мое появление здесь нормально? Из нашего мира к вам часто прилетают... несы вроде меня? – Едва оправившись от первого шока, я не могла удержаться от вопросов. Шеф в таких случаях шутил, что к моему последнему вопросу все успевают забыть первый.

Ньес Гаррет фыркнул, то ли неодобрительно, то ли наоборот, не поймешь.

– Вы быстро пришли в себя после первого потрясения, несса Сашша, это хорошо. Ваша пластичная психика позволит вам быстро адаптироваться в новых условиях. Давайте по порядку. Для начала я попрошу вас отправиться сейчас в постель. Как я уже говорил, вам нужен покой.

Забраться на кровать я сама не смогла, хотя честно попыталась, в самый ответственный момент от слабости подломились колени. Ньес Гаррет поймал меня у самого пола, осторожно усадил на постель, обложил подушками, чтобы мне было удобно сидеть, прикрыл одеялом, тщательно подоткнув его по краям – ну точь-в-точь заботливый дедушка. И вдруг легко и шутливо щелкнул меня пальцем по носу.

– Все будет хорошо, не грустите, несса! Мы поставим вас на ноги. Главное, чтобы вы много отдыхали и хорошо кушали. Устроились? Сейчас будете осваивать иномирскую кухню!

«Иномирскую» – от одного этого слова у меня начисто пропали жалкие остатки аппетита. Я тоскливо огляделась. У кровати за время моего пребывания в ванной появился небольшой сервировочный столик, на котором стояла пара горшочков, накрытая изящной салфеткой тарелка и кувшин с кружкой. Гаррет всучил мне ложку, почти как у нас, только с причудливо изогнутой ручкой, и небольшой, приятно пахнущий горшочек в смешном кармашке, сшитом из цветных лоскутков. Есть совершенно не хотелось, но строгий взгляд пресек все возможные возражения на корню. Я покорно погрузила ложку в горшочек.

– Ньес... Вы расскажете, что со мной произошло? Как долго мне нужно будет оставаться в постели? Смогу ли вернуться домой? Что это за мир? Кто вы и почему мне помогаете? Что...

– О, сколько вопросов сразу! – Он рассмеялся, и его строгое суровое лицо сразу преобразилось, стало куда более располагающим. – Ешьте, несса Сашша, а я буду вам рассказывать. Ньес и несса – это, как вы правильно догадались, обращения, соответственно, к мужчине и женщине.

Я нерешительно зачерпнула ложкой горячее варево. Пахнет вкусно, по виду – мелко нарезанное мясо с овощным пюре, горячее, с какими-то пряными травами. Кивнула осторожно – мол, все в порядке. Движение отдалось в висках тупой болью. Мой собеседник, заметив, как я поморщилась, вздохнул, покачал сокрушенно головой в ответ на какие-то свои мысли и «кратко изложил основные факты». Аппетита от этих фактов у меня не прибавилось.

Мир, в котором я оказалась, назывался Тассин и был расположен «очень близко к Земле».

– У нас такое расстояние называют «на язычок свечи», но для вас, несса, это пока несколько метафизическое понятие, так что не забивайте себе голову, – снисходительно пояснил Гаррет. – Думаю, с концепцией параллельных миров вы, в общих чертах, знакомы? Вот Тассин, в некотором смысле, такой параллельный мир и есть.

В общем, это самое метафизическое расстояние между нашими мирами было достаточно небольшим, чтобы сделать возможным перемещения между ними, – не для всех, но я попала в число этих «счастливчиков». Попасть обратно я в силу каких-то объективных физических законов не могла, так что мне предстояло устроиваться здесь. Мир был «вполне уютным и экологически чистым» (да-да, он так и сказал). А еще Тассин был полноценным сказочным миром.

– Сказки читали там, у себя дома? – спросил Гаррет и, дождавшись моего утвердительного мычания, пояснил коротко: – Подробности позже, но в целом у нас все примерно как в земных сказках – с эльфами, гномами, магией, колдунами.

– А драконы? Они есть в вашем мире? – Драконы почему-то всегда привлекали меня больше других фантастических персонажей.

– Занятно, что вас интересуют именно драконы, – задумчиво погладил свою эспаньолку Гаррет. Я беспокоило заерзала. Что он имеет в виду, сказав «*именно* драконы»? Надеюсь, меня не откармливают для принесения в жертву чешуйчатому монстру. Может, они едят только иномирских женщин?

– Сейчас расскажу, – продолжал Гаррет, то ли не заметив, то ли проигнорировав мой подозрительный взгляд. – Драконы конечно же есть, причем не только в Тассине, на Земле тоже. – Я замерла, изумленно раскрыв рот. – Просто на Земле их почти невозможно отличить от людей.

По словам Гаррета, выходило, что драконы и на Земле рождались – не часто, но регулярно. Просто на Земле из-за отсутствия магии они не могли развиваться до взрослой стадии. Детская форма у драконов была такой же, как у людей – человеческая. Так что земные драконы были такие же точно, как люди, не отличить. Почти полное отсутствие на Земле магии приводило к тому, что земные особи погибали в глубоком драконьем детстве. В нормальном магическом мире типа Тассина драконы, по словам Гаррета, жили по несколько тысяч лет.

– Первый этап развития дракона примерно лет до сорока – пятидесяти, и здесь, на Тассине, полностью проходит в человеческом облике. И лишь потом дракон обретает крылья и получает способность меняться. – Гаррет посмотрел на застывшую на полпути ложку и укоризненно перевел глаза на меня.

– То есть все драконы – оборотни? – попыталась я уложить новые знания в сложившиеся на основе чтения фэнтези представления.

– Почему это вдруг? – изумился Гаррет. – Оборотни – это совершенно другая раса, иная физиология, магия, все другое.

– Ну-у, раз меняют облик, – неуверенно протянула я.

Левая бровь Гаррета поползла вверх, губы изогнулись в насмешливой улыбке.

– Как приятно встретить среди землян специалиста по магическим расам, – ехидно пропел он. – Вы, несса, кушайте, кушайте, не отвлекайтесь! – Он снова посмотрел на забытую ложку. Я поспешно сунула ее в рот, и он продолжал: – Драконы меняют свой облик совершенно иначе, чем оборотни. На Земле они лишены возможности пользоваться своей магией и угасают без нее. Цикл драконьей жизни на Земле такой же, как у людей, а продолжительность жизни даже меньше.

– О, как печально, – расстроилась я, начисто забыв свои недавние подозрения. – Неужели нельзя их как-то находить и перетаскивать в этот мир?

– Вы крайне нетерпеливы, несса, – неодобрительно произнес мой собеседник. Он заглянул в почти полный горшочек и сокрушенно покачал головой. – И практически ничего не съели. Вероятно, это не та еда, что вам нужна. Попробуйте вот это. – Он выложил в небольшую плошку куски чего-то белого – то ли зернистый сыр, то ли творожная запеканка, то ли рисовый пудинг. – Это можно есть руками. Не смотрите так беспомощно, возьмите салфетку!

Ну точно дедушка! Сейчас еще воспитывать возьмется, и в этой старомодной высокопарной манере будет читать мне длинные нотации... Нет, не взялся, просто продолжал свой рассказ, сосредоточившись на так заинтересовавших меня драконах. Чтобы его не раздражать, откусила кусочек – фу, приторно сладкое! Гаррет снова строго на меня глянул, пришлось жевать. А то начнет читать новую нотацию, а времени на интересную и важную информацию не останется.

В общем, иногда драконов удавалось спасать, за ними на Землю специально отправлялись какие-то *алайи*. Как правило, найденные драконы успешно адаптировались и все у них было хорошо. Но бывали и исключения. Найти на Земле дракона было непросто, а в последние лет двести неудачи случались все чаще... Да, этот нъес Гаррет, похоже, изрядный зануда.

– А что, драконов в человеческом облике совсем нельзя отличить от человека? – спросила я.

– Ну, посмотрите на меня, к примеру, – усмехнулся Гаррет. – Вы же не заподозрили, что я дракон, верно? А отличить можно. – Он закатал рукав свободной белой рубахи и показал мне предплечье, на котором красовалась очень реалистичная татуировка в виде неширокого браслета из некрупных темно-рыжих чешуек.

«Это не татуировка, это же и есть чешуйки!» – осенило меня.

Новое потрясение в мою психику просто не вмещалось. Так что очередную сногшибательную новость я пережила с олимпийским спокойствием. Мысли текли в голове медленно и лениво, как тяжелые кучевые облака в знойный полдень... Этот милый дедушка напротив меня – дракон. Надеюсь, он меня не съест. По крайней мере, понятно, почему он так подробно о драконах рассказывает. Вот взглянуть бы на него в другом виде, так-то даже неинтересно. Впрочем, возможно, дракон в драконьем виде – это последнее, что видят нессы перед смертью...

Нечеловеческим усилием воли взяв себя в руки, я решила, что общетеоретических сведений про Тассин на сегодня достаточно, пора переходить к практическим вопросам относительно меня.

– А люди? – спросила я нетерпеливо. – Те, что попадают к вам сюда? У нас довольно много рассказов о драконах и эльфах. Выходит, они попадали, а потом возвращались?

– Вы мне не верите? – удивился ньес Гаррет.

– Почему же? Вы – дракон, я поняла. Даже чешуя есть, – стараясь быть как можно убедительнее, произнесла я, напряженно не допуская в свою голову более простых объяснений. Может быть, после моего рассказа меня поместили в психушку? И теперь еще и *та* действительность накладывается на мой околосказочный бред? Черт, и ведь не отличишь...

– Ммм... как-то совсем безэмоционально реагируете, – недовольно нахмурился ньес Гаррет. – Вероятно, у вас все-таки шок. *Люди* с Земли не попадают на Тассин, слишком разная плотность существей. Сказками о магии вы обязаны тем, кто не окончательно утратил память при перерождениях, – рассеянно пояснил он, пристально всматриваясь в мое лицо. – Да-да, определенно шок, вот и зрачки слабо реагируют на свет... Так, полагаю, на сегодня вам достаточно.

– Нет! Ньес Гаррет, вы не сказали про меня! А как же я?! – Мне вдруг стало томиительно-тревожно, голос сорвался на пронзительный писк, в груди заныло от мрачных предчувствий. Гаррет потер лоб, потом посмотрел на меня в упор и выдал:

– А вы, несса, не человек. Вы – дракон. Точнее, драконий ребенок. Куколка, которой очень скоро пора превращаться в бабочку. – Это заявление пробило даже мое шоковое состояние. От неожиданности я подавилась, раскашлялась, потревожив поясницу и голову, на глаза навернулись слезы.

– О, простите! Не надо было так резко вам об этом сообщать! Я непростительно прямолинеен!

Гаррет придержал меня за плечи, мягко помассировал виски кончиками пальцев, снимая головную боль. Интересно, как такую новость можно сообщить менее резко?

– Вы... вы шутите? – Все это было настолько невероятно, что не укладывалось в голову. – Да нет же, этого не может быть! Я не чувствую в себе ничего драконьего! Ладно, я не разглядела в вас, но про себя-то я должна знать. И чешуек у меня никаких нет. – Я залезла в рукава рубахи, не без опаски проверяя свои предплечья. Никакого намека на чешуйки.

– Шутка была бы довольно неудачной, согласитесь? – Гаррет укоризненно посмотрел на меня, отобрал тарелку со сладостями и налил в кружку густого напитка, похожего на ароматный кисель, к счастью, несладкий. – Хотя бы это выпейте до конца, вам же нужно набираться сил. А чешуйки появятся, драконья кровь в вас пока спит, как и магия. Вот с магией

у вас действительно проблемы... Впрочем, для земных драконов это совершенно нормально, думаю, и у вас все наладится.

– Что же мне делать? – жалобно спросила я. – Я что, не увижу больше свою дочь? – Гаррет при этих словах заметно передернулся. – Что со мной будет? – Кажется, настолько растерянной и беспомощной я не чувствовала себя, даже умирая в трущобах.

– Ради всего святого, не волнуйтесь, несса! Вы попали в наш мир несколько... неудачным образом. На вас напали, вы сейчас не в лучшей форме, но, уверяю вас, основные проблемы позади. Вашу дочь мы будем искать – есть *небольшой* шанс, что она также окажется драконом и мы сможем переместить ее на Тассин. – Несмотря на то что он выделил интонацией слово *небольшой*, я почувствовала такое облегчение, что снова разрыдалась. Дракон выдал мне крошечный стаканчик с какими-то каплями и носовой платок, настолько белый и изящный, что им как-то неловко было вытирать мой сопливый нос. Дождавшись, пока я немного успокоюсь, он продолжал:

– Сейчас вам нужно выздороветь, освоиться в этом мире... – Мужчина задумчиво покрутил массивный сине-оранжевый перстень на длинном нервном пальце, видимо размышляя, что еще можно мне сказать, и наконец решил: – Чтобы вы четко понимали ситуацию. Согласно нашим законам, вы – несовершеннолетний дракон, несса Сашша, сирота. И до достижения вами дееспособного возраста, то есть примерно до восьмидесяти лет, либо до вашего... гм... если по-земному – вступления в брак, вам необходим опекун. Этим опекуном буду я.

Почему-то вся это околуюридическая абракадабра меня немного успокоила. То ли чем-то знакомым повеяло, то ли сам факт планирования моей жизни аж до восьмидесяти лет как-то утешил. А вот вопрос вступления в брак меня, напротив, обеспокоил. Хорошее дело браком не назовут, мне ли не знать.

– А как вступление в брак называется у вас? Это обязательно для всех драконов? – спросила я подчеркнуто вежливо, позаимствовав у Гаррета светские интонации. Надеюсь, он не решит, что я его передразниваю. Идея замужества не привлекала меня абсолютно, так что сразу надо было выяснить, как называется то, чего мне следует избегать. Гаррет чуть озадаченно покосился на меня и пояснил:

– У нас это называется «обретение алайи». Насильно никого не заставляют. Мне кажется, или вы неодобрительно относитесь к браку? – Дракон внимательно смотрел на меня. Наверно, стоит сразу расставить точки над «i», подумала я и честно ответила:

– Да, *крайне* неодобрительно. Был негативный опыт, больше что-то не хочется.

– А-а-а, – невозмутимо протянул дракон, отворачиваясь, – понятно. В общем, до достижения вами совершеннолетия, подтвержденного официальными испытаниями, либо обретения алайи, я, Гаррет эрр Рралл, буду вашим опекуном. По праву дееспособного мужчины рода, я принимаю вас в Семью эрр Рралл и обещаю защищать и растить.

– Ммм... Похоже на какую-то торжественную клятву, ньес Гаррет, – сказала я осторожно. – Я должна что-то говорить в ответ?

– Это и есть торжественная клятва, несса Сашша эрр Рралл, – серьезно ответил Гаррет. – Опекунство – это односторонний ритуал, от вас ничего не требуется. Но есть вещь, которую я не могу сделать без вашего согласия, – мягко улыбнулся он. – Примите вот этот браслет. – Гаррет достал из кармана своего френча небольшой изящный браслет цвета старого серебра, украшенный переливающимися камнями. – Наденьте его – да, вот так. Это не простая безделушка, это магический амулет. Он свидетельствует о том, что вы находитесь под моей защитой и, кроме всего прочего, позволит мне следить за вашим самочувствием более внимательно. Далее. Пока вы прикованы к постели, начнете учиться. И полезно, и скучать будет некогда. Выучите языки, я нашел вам учителей, пока вы болели. Начнем с чело-

веческого, вам повезло, он у нас всего один. И эльфийского – на него переведены практически все нужные вам книги.

– А как же драконий? – спросила я.

– Драконий еще рано. Лишь лет через двести ваше сознание разовьется достаточно, чтобы приступить к его изучению. Строго говоря, эльфийский – это «детский» драконий язык, на нем общаются драконы до достижения зрелости. Эльфы в свое время позаимствовали его у нас практически без изменений.

Мне показалось, что Гаррет сейчас пустится в длинную лингвистическую лекцию, однако он быстро свернул эту тему.

– Вам повезло, – сказал он, – существуют амулеты-переводчики, так что вас буду понимать не только я. Сам я довольно долгое время жил на Земле, что и позволило мне в течение некоторого времени поддерживать ваше заблуждение насчет больницы. Простите мне этот вынужденный обман, я опасался, что преждевременное нервное потрясение окончательно подорвет ваше здоровье, вы сильно пострадали. А держать вас... ммм... постоянно под снотворным было бы вредно. Впрочем, у меня все равно ничего не вышло, – развел он руками.

Это многое объясняло, хотя в свете новых обстоятельств вопрос, где ныс Гаррет так хорошо выучился говорить по-русски, занимал меня меньше всего.

– Кроме того, займетесь историей и географией, знания о том, как устроен этот мир, пойдут вам на пользу. Когда выздоровеете, посмотрим, что случилось с вашей магией. У вас есть определенные проблемы в этом плане, но это не к спеху. Я буду внимательно следить за вашими успехами в учебе, – закончил он.

В голове образовалась каша из новостей, и я мучительно пыталась отделить важные от второстепенных. Магия. У меня должна быть магия! С ума сойти! Учиться я люблю. Главное – Маруська! Маруську дракон обещал найти, значит, все у меня почти хорошо. Настояживает только, что из меня тут будут девочку делать.

– Скажите, ныс Гаррет, а мои пожелания при планировании не учитываются? – осторожно поинтересовалась я. Пока я не в том положении, чтобы выпендриваться, но выяснить, каковы перспективы, все же стоит.

– Составите список и отдадите мне, я подумаю, что с ними можно сделать, – серьезно ответил мне дракон. – Думаю, на сегодня вы получили более чем достаточно информации о мире и о себе. Вам нужно отдохнуть, а меня ждут дела. Позвольте вас оставить.

– А почему...

– Довольно вопросов на сегодня! Вам категорически нельзя нервничать и перенапрягаться. Сегодня отдохните и подумайте, я зайду к вам вечером, а завтра с утра у вас начнутся занятия. Драконы – весьма трудолюбивые существа, знаете ли, – внушительно сказал мой опекун, поспешно отступая к двери.

Глава 3

Новая жизнь

От напряженных размышлений о переменах в моей, казалось бы, раз и навсегда установившейся жизни у меня ужасно разболелась голова, поэтому вечером вывести у дракона что-нибудь еще не получилось. Едва увидев мое лицо, он неразборчиво выругался и снова накапал в маленький стаканчик очередного остро пахнущего лекарства, приняв которое, я моментально провалилась в сон.

На следующее утро, уступив моим просьбам, Гаррет провел, точнее пронес, потому что он не спускал меня с рук, небольшую экскурсию по зданию, в котором я теперь жила. Это был большой – просто огромный – замок, возвышавшийся над городом. Резиденция драконов в Тессе, пояснил Гаррет. А Тесс – «кружевной» город моих кошмаров – столица одноименного человеческого континента на Тассине.

По словам Гаррета, сейчас, кроме нас, в замке было всего пять или шесть драконов, которые прилетели в Тесс по делам. А замок не выглядел пустым или заброшенным, потому что за ним ухаживали магические слуги. Пока они стояли неподвижно, то походили на изящные, невысокие, мне по плечо, статуэтки из цветного, чуть мутноватого стекла, внутри которых клубилось что-то непонятное с мелкими искрами. Я с интересом рассматривала их, пока Гаррет нес меня по коридорам, и дико напугалась, когда одна из таких статуэток вдруг сорвалась с места и потекла-заструилась, как клочок плотного разноцветного тумана, куда-то по своим делам.

Гаррет вручил мне амулет для общения на эльфийском и объяснил, что слуги выполняют голосовые команды. Способ общения с этими волшебными созданиями был чем-то похож на поиск информации в интернете – важно было правильно подобрать ключевые слова. Убедившись, что общую идею я уловила и в случае необходимости справлюсь с управлением магическим слугой, дракон продолжил экскурсию.

Мы поднялись на вершину «нашей» башни, Западной, выходившей в сторону моря. Я с таким восторгом смотрела на порт и корабли, что дракон с улыбкой пообещал свозить меня как-нибудь покататься на лодке, «если юная несса будет себя хорошо вести». Меня несколько раздражало, что он обращается со мной как с ребенком, но я пока сдерживалась. В конце концов, учитывая общую продолжительность жизни, сорок лет для драконов – это действительно детский возраст.

На вершине башни была роскошная терраса с газончиками, деревьями в кадках, широкими скамейками и уютными плетеными креслами. Гаррет сказал, что здесь я буду бывать часто, потому что мне нужно много дышать свежим воздухом. Как выяснилось, Западная башня была в полном и единоличном распоряжении Гаррета, потому что он представлял Совет драконов на Тессе.

– Вы все узнаете, когда начнете свои занятия, – сказал он, когда я попыталась выяснить, что это означает. – Для начала запомните правило: покидать пределы башни вам строжайшим образом запрещено! – Дракон для внушительности погрозил мне пальцем.

– Да, ньес Гаррет, – грустно улыбнулась я. В нынешнем состоянии даже самостоятельное перемещение из спальни в гостиную было для меня проблемой. Вернувшись с помощью Гаррета к себе и еще раз потребовав с него клятвенное обещание отыскать Маруську, я приступила к учебе.

Так началась моя жизнь в новом мире.

Гардероб, подобранный мне драконом, был рассчитан на очень нежную и женственную барышню, уж никак не на меня, всем прочим нарядам практически всю жизнь предпочитавшую черные джинсы и свитера грубой вязки. Ну и брючные костюмы, если на работу. Нижнее белье – тончайшее, с нежным кружевом, облегало тело как вторая кожа. Надевая его, я старалась не думать о том, кто и каким образом снимал с меня мерки, чтобы подобрать размер так точно. Из всего разнообразия домашней одежды мне приглянулись лишь просторные шелковые туники, похожие на мужские рубашки, только без пуговиц, которые нужно было надевать через голову. Изумительных неброских цветов и очень удачного покроя, они прекрасно сочетались с моими джинсами. Гаррет, понаблюдав за мной несколько дней, скептически хмыкнул и дополнил мой гардероб охапкой свободных штанов, тоже очень удобных. Платья, впрочем, он из гардероба так и не убрал. Изящные туфельки на высоких каблукках стояли без дела, а вот похожие на мокасины тапочки из тонкой кожи очень мне приглянулись.

Учиться я умела и любила всегда, поэтому особенных сложностей с занятиями у меня не возникло. Педагогов было трое. Специальные драконы амулеты позволяли нам легко понимать друг друга в разговоре. На письменность их действие, увы, не распространялось. В любом случае у драконов – «знаете ли, весьма образованных существ» – считалось обязательным уметь разговаривать на языках других рас немагическим образом. Драконом я себя по-прежнему не чувствовала, но спорить с моим опекуном по пустякам было себе дороже – нудные получасовые нотации весьма меня утомляли. Так что пока я молчала и «трепетно внимала».

Эльфийский преподавала Тиа – изумительно красивая эльфийская леди. *Лея*, если использовать местную терминологию. Крошечная, она едва доставала мне до плеча, хотя носила высоченные каблуки. Со своими длинными серебристо-зелеными волосами ниже пояса и огромными изумрудными глазами она была похожа на замысловатую картинку. Выглядела Тиа неизменно потрясающе. Обычные женщины в таком состоянии проводят, в лучшем случае, пару минут – в тот момент, когда отходят от зеркала. Впрочем, вру, конечно, – обычные женщины никогда не достигают такой безупречности. Разве что на фотографиях, над которыми работали в фотошопе профессионалы.

Во время занятий эльфийка металась по комнате в своих длинных, причудливого покроя платьях, совершенно не думая о своей внешности. Однако при каждом ее движении все складки одежды ложились так, словно она, замерев, долго и тщательно укладывала их. Тиа выглядела настолько великолепно, что у меня даже комплекса неполноценности не было, потому что кто же в здравом уме сравнивает себя с произведением искусства. Я каждый раз с восторженным изумлением рассматривала ее летящие облачения и украшения, похожие на тонкие паутинки, унизанные разноцветными искрами камней. Мое равнодушие к собственным нарядам искренне расстраивало Тиа, и ежедневно она тратила полчаса, уговаривая меня хотя бы примерить какое-нибудь очередное платье из коллекции, собранной Гарретом в моем шкафу. Я успешно отбивалась.

Характер у моей эльфийской преподавательницы оказался легким и жизнерадостным, а уроки быстро стали похожи на болтовню двух приятельниц – впрочем, не без пользы для дела, поскольку болтали мы на эльфийском. Она рассказывала мне забавные истории, сплетничала о представителях всех обитающих на Тассине рас, задавала бесчисленные вопросы о Земле, помогая с грамматикой и новыми словами там, где это требовалось. А еще пела чудесные мелодичные баллады, аккомпанируя себе на крошечной гитаре с неожиданно мощным и глубоким звуком.

Эльфы были помешаны на красоте, нарядах, музыке, драгоценностях и любовных историях – любовные треугольники, квадраты и прочие фигуры прочно обосновались в сказаниях и песнях местного «дивного народа». Центральной темой были поиски истинной

любви; мне показалось, что в этом вопросе эльфы внимательно следили за драконами и очень старались не отставать. Так что не было ничего удивительного, что информацию о брачных обычаях драконов – «обретении алайи» – я получила не от Гаррета, а именно от Тиа.

– *Алайя* у драконов – это сразу и семья в смысле пары, и каждый из ее членов, причем на любой стадии отношений, даже до первой встречи. Вот представь, есть ты, а где-то в мире есть твой алайя, – говорила Тиа, возбужденно поблескивая глазами. – Обычно они рождаются с интервалом лет в двадцать, но бывает и больше, меньше – почти никогда. У эльфов нет такого, и ни у каких других рас, только у драконов, – с сожалением пояснила она, – поэтому у драконов практически нет измен и ревности, это совсем экзотика. Смысл тратить время на неидеального партнера, если ты точно знаешь, что немного терпения – и ты обретишь идеального, который или найдет тебя, или пошлет тебе зов...

– Ой, то есть у меня никакого выбора нет? Придет кто-нибудь, скажет «я твой алайя, детка» – и все? – расстроилась я.

– Ну ты же в него сразу и сама влюбишься! – горячо возразила Тиа. – Увидишь – и с первого взгляда, на всю жизнь! Собственно, по ощущениям, насколько я могу судить, это не особенно отличается от влюбленности. Только она у драконов более определенная, сильная и глубокая. И в отличие от людей и эльфов, ошибок не бывает. Ну, не должно быть, – неуверенно закончила она, поймав мой откровенно насмешливый взгляд.

– То есть мой алайя может быть совсем юным? – рассмеялась я, решив не смущать Тиа своим скептицизмом.

– Ну да, скорее всего, иначе он бы тебя давно нашел. – Тиа распахнула зеленые глазницы. – Это самое интересное, знаешь, – как только младший алайя созревает, они начинают чувствовать друг друга даже из разных миров! Такие слабые сигналы на уровне ауры, драконы называют это зовом. У нас есть несколько красивых баллад об этом, – оживилась она и действительно спела мне несколько очень романтических песен – про любовь, про поиск, ожидание...

Насколько я поняла, старший алайя в возрасте сорока или пятидесяти лет обретал крылья, младшему к этому времени должно было быть в районе двадцати. Дальше младший посылал зов, старший бросался его искать, преодолевал разнообразные трудности. Причем, насколько я поняла, самые ужасные препятствия доставались на долю тех, чьи алайи обнаруживались на Земле, месте довольно жутковатом, по представлению жителей Тассина. Наконец они встречались, и дальше им полагалось гарантированное счастье – с возрастом такой союз лишь крепчал, и к концу жизни некоторые пары становились практически одним целым, сливаясь друг с другом. И умирали в один день.

– О, в земных сказках и песнях то же самое, – сказала я печально, – а на самом деле такие всегда ошибки, столько синяков и шишек... И самое ужасное почти всегда начинается *после* того, как они встречаются.

– Ну, у драконов алайи на всю их длинную жизнь, и никто не жалуется. Считается, что только в паре дракон может быть счастлив. А у тебя что-то было на Земле? О-о-о, как интересно! У драконов крайне редко бывают романы вне алайи... Расскажи, – Тиа шаловливо улыбнулась, – на эльфийском!

Рассказывать свою историю я отказалась, но взамен выдала Тиа свой вольный пересказ «Отелло». Тиа горько рыдала и обещала переложить историю на стихи и музыку.

– Получится страшно грустная, но очень красивая баллада, – сказала она. – Эльфы часто бывают очень ревнивы, а подозрение в неверности – это страшное обвинение, так что это жизненная история. Хотя этот твой Отелло должен был не сам душить ее, а заставить принять ритуальный кинжал. Измена – веская причина, чтобы умереть. Впрочем, не будем о грустном!

Переход к письменности меня поразил.

– Руны? – Я зачарованно смотрела на знакомую последовательность футарка.

– У вас такое есть? – удивилась Тиа. – Неужели на Земле пользуются для письма эльфийским алфавитом?

– Ну вообще-то нет, – смутилась я. – У нас этот алфавит давно не используется для собственно письма. Руны используются для гаданий. Это считается скорее баловством. Но мне очень нравилось и иногда даже казалось, что в этом есть смысл.

– Если нравилось и ты видела в этом смысл, у тебя, возможно, есть способности к прорицаниям! Это стихийная способность, она от магии не зависит. Редкий дар, между прочим. Я попрошу у ньеса Гаррета разрешения учить тебя нашей мантике, Сашша, вдруг ты – прорицательница? – Тиа, кажется, обрадовалась.

Гаррет не возражал, так что я занялась еще и мантикой. Вообще из всех преподавателей Тиа лучше всех расширяла мой практический кругозор, хотя и не во всем наши с ней интересы совпадали. Так, она активно пыталась приобщить меня к женским секретам своей расы. Подарила множество «полезных» безделушек – например, зачарованный гребень, который помогал держать волосы в порядке – правда, на Тиа он действовал куда эффективнее, у меня работал плохо. А вот с помощью прозрачной субстанции, оказавшейся чем-то типа тонального крема, причем почти без магии, на одних только эльфийских травах, мы с ней однажды так лихо замазали мои синяки на лице, что Гаррета едва не хватил удар – видимо, уж очень внезапным было мое преображение. Я так и не поняла, почему он так отреагировал – если верить зеркалу, я выглядела очень даже неплохо. Мой опекун бросился ко мне, схватил за плечи, всматриваясь в лицо. Разобравшись же, в чем дело, сухо приказал смыть немедленно и быстро вышел из комнаты. Мы с Тиа так и не поняли, чего это он.

В общем, эльфийка натащила мне целую грудку всяких полезностей, и мой туалетный столик благодаря ее усилиям стал выглядеть так, как, наверное, и должны выглядеть женские туалетные столики – баночки, флакончики, бутылочки, кисточки, брошки-заколки-расчески. Меня, впрочем, эта сторона вопроса не волновала – судя по тому, что спасти меня в последний момент примчался не прекрасный принц, а ворчливый дедушка-опекун, мой алайя или еще пешком под стол ходил, или мне его не полагалось – такое редко, но случалось, согласно тем же эльфийским балладам. Время, чтобы помучиться этой проблемой, у меня еще было, так что я сосредоточилась на решении более краткосрочных задач.

Да и вообще я бы предпочла просто выучиться, найти себе потом нормальную интересную работу, жить в свое удовольствие и не зависеть ни от каких алайи. Так оно куда безопаснее, это я твердо усвоила на собственном личном опыте. Гаррет, услышав однажды наши с Тиа рассуждения на эту тему, покачал головой и ехидно заявил, что я куда больший ребенок, чем думаю.

– Только ребенок может возводить свой крайне ограниченный жизненный опыт в ряд универсального правила, несса, – назидательно пояснил он в ответ на мое справедливое возмущение. – А стремление избегать нового опыта только потому, что он напоминает вам то, что когда-то причиняло боль, свидетельствует об инфантильности.

– Во-первых, вы недостаточно хорошо меня знаете, чтобы судить столь безапелляционно, – взвилась я. – А во-вторых, хотела бы я знать, что же, по-вашему, будет зрелым решением в данном случае? Безрассудное повторение травмирующих попыток вплоть до гибели пытающегося? Нет уж, ньес Гаррет, здесь мое мнение сложилось, однозначно. Болезненная зависимость, которую земные и местные баллады называют любовью, не для меня. Я предпочитаю свободу, независимость и спокойствие.

– И что же такого случилось в жизни столь юной нессы, что она приобрела такие стойкие убеждения? – язвительно поинтересовался дракон.

– Ничего, что было бы интересно обсуждать. – Я покачала головой.

– Вы очень юны, несса, только это вас и оправдывает. – Дракон, быстро заметивший, что мне неприятны намеки на мой «юный возраст», попытался меня поддеть, возможно рассчитывая разговорить. Я упрямо сжала губы и смолчала. Гаррет не настаивал, хотя взгляд его стал на мгновение очень цепким.

В принципе моя жизнь была бы совсем неплоха, если бы не одно омрачающее ее обстоятельство. О себе я не особенно беспокоилась, убить меня уже не убили, так что выкручусь. Я ужасно переживала о дочери. Я знала, что Гаррет отправил на Землю своего сына еще после первого моего пробуждения, но связаться с Маруськой по телефону не удалось, мобильник был недоступен. Однажды вечером дракон, в очередной раз застав меня всю в слезах и соплях, покачал головой и, подробно выспросив, как и где ее искать, пообещал отправить Шорра в более серьезный поиск. Я написала коротенькую записку, на всякий случай. Если бы Маруська оказалась человеком, Шорр должен был просто убедиться, что с ней все в порядке, и, если нужна помощь, незаметно помочь. Даже сообщить ей, что я жива, дракон отказался – мол, ни к чему.

– Если ваш сын может попасть на Землю, почему не могу я? Вы же говорите, я тоже дракон. – Я нервно комкала простыню, стараясь не сорваться.

– Вы сможете, когда обретете контроль над своей магией, несса Сашша, но на это может уйти несколько лет. – Гаррет поджал губы, сочувственно вздохнул, потом накапал знакомого мне лекарства в стаканчик и протянул мне. Я отрицательно покачала головой.

– Но Шорр почти мой ровесник, как так получается?

– Он уже обрел крылья, вы – еще нет. Драконы получают способность проходить в другие миры только после полноценного обретения магии. У вас же большое отставание в магическом развитии, вы даже младенческой драконьей магии не чувствуете. Мне очень жаль, что я не могу облегчить ваших страданий. – Он бережно погладил меня по голове, и это проявление сочувствия оказалось последней каплей: я разрыдалась. Черт, я была согласна играть в маленькую драконью девочку, да на что угодно согласна, я справлюсь. Но мысль о горе, которое мое исчезновение причиняло моему самому близкому и дорогому человеку, была невыносима.

– Вы не понимаете, ньес! – говорила я, глотая горькие, бессильные слезы. – Девятнадцать лет – это такой уязвимый и хрупкий возраст! Мне было столько же, когда я, оставшись без родных, попала в страшную передрыгу. Это чудо, что я тогда не погибла. И когда я думаю, что моей нежной девочке может грозить что-то подобное, – я судорожно всхлипнула, – это просто убивает меня! Ведь у нее нет никого, никого, кроме меня!

– Мы присмотрим за вашей девочкой, Сашша, клянусь! – Дракон взял мои подрагивающие пальцы в свои руки и ободряюще сжал их. – Ну же, не плачьте! Вы мужественный маленький воробушек, несса, не поддавайтесь унынию!

Слезы, как оказалось, вовсе не иссякли, а просто притаились, и стоило на мгновение ослабить контроль, как они полились снова. Гаррет нервно сцепил длинные пальцы в замок, но ничего не сказал. Драконы, если судить по нему, не так уж отличались от земных мужчин, по крайней мере женские истерики переносили так же тяжело. Вот и сейчас Гаррет напряженно сидел, глядя на мою зареванную физиономию, и явно не знал, что со мной делать. Усилием воли я взяла себя в руки, вытерла слезы и постаралась улыбнуться. Все делают все возможное, рыдания здесь не помогут.

Я заметила, что, когда говорила о дочери, Гаррет нервно морщился, словно от зубной боли. Поинтересовалась, в чем дело. Помявшись, дракон объяснил:

– Видите ли, несса, вы и сейчас-то еще совсем ребенок, а двадцать лет по меркам драконов – так и вовсе неподходящий для деторождения возраст. То, что у вас есть дочь, это несколько... противоестественно.

– Ну, мне и в голову не приходило смотреть на это драконьим взглядом, – рассмеялась я, настолько неожиданным было это признание. – И я ни о чем не жалею, она такая чудесная девочка! Что бы ни случилось со мной дальше, моя жизнь уже прожита не зря.

– Знали бы вы, несса, до чего смешно звучат эти слова в ваших устах. – Гаррет смотрел на меня с грустной улыбкой. Мы сидели в легких и очень уютных плетеных креслах на террасе. Закатное солнце бросало оранжевые блики на глаза дракона, он сидел напротив меня и довольно шурился на запад. Мы разрабатывали мою правую руку, она все еще неважно слушалась, и по вечерам Гаррет тщательно мял и сгибал-разгибал каждый палец, не доверяя это дело мне. Сейчас дракон, закончив сеанс массажа, похоже, забыл о моей руке, но так и продолжал удерживать в своих ладонях.

– Что же в них смешного? – изумилась я, пытаюсь как-нибудь ненавязчиво вернуть свою руку обратно.

– В них – ничего. Но вы, по драконьим меркам, еще совсем птенец. Представьте малыша, как у вас говорят, детсадовского возраста, потчующего взрослого такими вот сен-тенциями. – Дракон невесело усмехнулся и аккуратно положил мою руку мне на колени.

– Ну у нас это невозможно физиологически, – сказала я, любясь на горы за его спиной, подсвеченные оранжевым закатом. – А у вас как-то странно – алаяя может быть обретена уже в двадцать лет, и, судя по балладам Тиа, они там не за ручки держатся, отнюдь. А дети – вдруг противоестественно. Зачем же оно вообще технически возможно?

– Циничный ребенок, – рассмеялся Гаррет, – у вас просто недостаток информации. Во-первых, отнюдь не обзаведение потомством является главной целью жизни и смыслом обретения алайи. Главное – это прохождение через этапы слияния двух существ в одно, чтобы... Впрочем, не суть. Во-вторых, рождение дитя – само по себе этап в отношениях, ведь это тоже слияние двух сущностей. Сначала должно произойти соединение сердец, тел, чувств и разумов, только после этого в алайе появляется потомство. Затем происходит слияние магии и, если получится, душ. Напомните мне при случае рассказать вам подробнее об этом, пожалуйста.

– Например, сейчас, – невинно заметила я. Глаза начинали слипаться, но я бы потерпела ради интересной истории.

– Нет. Сейчас я отнесу вас в постель, – Гаррет бросил прощальный взгляд на закат и встал, – потому что вам определенно пора спать. И, ради Демиургов, не спорьте – я старше, я врач, я ваш опекун в конце концов. Ну хоть что-то из этого должно заставить вас меня слушаться!

– Ладно, показывай свое сокровище, Гаррет! – Громкий голос за дверью мог принадлежать только очень крупному человеку. Или дракону. Я поспешно натянула одеяло до подбородка, сразу поняв, что, в отличие от Гаррета, этот посетитель стучаться не будет. И точно – дверь распахнулась, и на пороге появился огромный, как медведь, мужик с суровым лицом, которое пересекал извилистый шрам. Самым жутким на этом лице были глаза – темно-бордовые, с красными всполохами, с узким вертикальным зрачком. Короткий ежик белоснежных седых волос делал глаза еще ярче. Я стиснула край одеяла, преодолев желание с придушенным визгом спрятаться под подушкой. Это... существо привел Гаррет. Он клялся защищать меня, хотя никто его об этом не просил. Вряд ли все эти сложности были нужны только для того, чтобы сейчас мне причинили вред.

– Храбрая, смотри, даже не визжит, – одобрительно пророкотал мой посетитель. – Ну, представь нас тогда, что ли, как там у вас полагается...

– Сэлл, – Гаррет укоризненно покачал головой, – ты неисправим. Несса, простите нас за это бесцеремонное вторжение. Это Сэлливан элл Саррит, мой давний друг и наставник. Он был со мной в тот вечер, когда вы попали на Тассин, и очень мне помог.

– Точнее, не мешал, – коротко хохотнул Сэлл. – Пока Гаррет занимался лечением, я отловил тех ублюдков, что посмели прикоснуться к нашей крошке, и оторвал им... – Поймав взгляд Гаррета, он на секунду запнулся. – В общем, все лишнее.

Я с изумлением поняла, что, несмотря на жутковатую внешность и огромные размеры, меня абсолютно не пугает этот новый знакомый. Чувствовала в нем надежность, а еще – простота и прямота, чего мне так недоставало в Гаррете.

– Приятно познакомиться, ньес элл Саррит, – вежливо сказала я. Тиа недавно объясняла мне правила обращения. Оказывается, «ньес» и «несса» – обращения, которые используются только для драконов, с эльфами надо было использовать «лей» и «лея», а представителей прочих рас называют просто «господин» и «госпожа».

Ньес элл Саррит в ответ гулко расхохотался. Я виновато покосилась на Гаррета, решив, что сморозила какую-то глупость. Может, это не дракон? Или я что-то неправильно произнесла?

– Все в порядке, несса, – успокоил меня Гаррет. – Сэлл просто очень не любит церемонии.

– Просто «Сэлл», крошка, – поддержал его гигант, – и мы поладим. Терпеть не могу этих высокородных закидонов! – Гаррет чуть поморщился от этих слов, но промолчал, а Сэлл продолжал: – Я хотел бы расспросить тебя о событиях того дня, когда ты попала на Тассин. Прилетел бы раньше, но Гаррет не пускал, говорил, ты еще слаба. Не давай ему совсем уж над собой трястись! – заговорщически подмигнул мне он.

Я улыбнулась. Мне определенно нравился этот дракон. Всегда легко ладила с такими людьми, простыми и честными.

– Конечно, Сэлл, с удовольствием. Если вы дадите мне пять минут на одевание, можно будет совместить это дело с завтраком, – предложила я.

– Отличная идея! – Огромная ручища ухватила меня за подбородок и неожиданно нежно потрепала по щеке. – Мне нравится твоя малышка, Гаррет, в ней есть стержень. Уж получше, чем... – Он резко оборвал свою речь, наткнувшись на взгляд моего опекуна. Потом перевел глаза на меня, изумленно покачал головой: – Гаррет, ты... Демиурги! Зря! Ладно, я жду на террасе.

– О чем это он? – спросила я Гаррета, когда Сэлл вышел.

– Поверьте, это не то, о чем вам сейчас следует волноваться. – Гаррет раздосадованно дернул уголком рта. – Одевайтесь, несса, я помогу вам добраться до террасы. У Сэлла, если я правильно его понял, не очень много времени.

Подробно выпросив меня об обстоятельствах нападения, Сэлл заинтересовался кулончиком. Он забрал все мои вещи у нападавших, которых выследил в ту ночь, но у них ничего подобного не нашлось. Я вспомнила, что сунула находку в карман джинсов, но когда магический слуга, отправленный за ними, вернулся, оказалось, что в карманах пусто – или выпал тогда в переулке, или во время стирки потерялся.

– Могу набросать, хотя я не художник, – предложила я.

– Не стоит, – Сэлл пожал плечами, – мне кажется, он не имеет отношения к нападению. Я просто пытаюсь выяснить все обстоятельства. Дело в том, что на молодых драконов на Тессе в последние годы нападают довольно часто, но ты, детка, – первая жертва, которую удалось спасти, а твои знакомые бродяги – первые нападавшие, которых удалось поймать. – Он задумчиво покрутил чашку, которая в его огромных ладонях казалась крошечной. – И есть в этом деле множество странностей...

– Каких же? – с любопытством спросила я.

– Сэлл, нессе нельзя волноваться, – менторским тоном произнес Гаррет, – и уж точно ей не нужны все подробности преступлений.

– Этим бродягам предварительно кто-то промыл мозги, – пояснил мне Сэлл, игнорируя комментарий Гаррета. – Совершенно непонятно зачем. И они все погибли при попытке допроса.

– До того, как вы им оторвали все лишнее, или после? – насмешливо поинтересовалась я, но мужчины не поддержали шутки.

– До, крошка. До, – задумчиво пробормотал Сэлл. – И я, хоть убей, не понимаю, кто и каким образом мог провернуть такое. Их будто выключило. Раз – и у меня на руках труп...

– Думаю, на сегодня достаточно. – Гаррет неодобрительно покачал головой. – Несса весьма впечатлительна и склонна к головным болям, Сэлл, так что подключать ее к нашему расследованию – не лучшая идея.

– А вы сами ведете расследование этого дела? – немедленно заинтересовалась я. Сэлл рассмеялся:

– Ладно, раз твой... опекун не рекомендует, не будем его злить, – доверительно сказал он мне. – О том, каков он в гневе, в некоторых местах до сих пор ходят легенды. Я буду залетать при случае, малышка, не скучай. – Он легко вскочил со стула, и я обратила внимание на то, что он и двигался как медведь. Не неуклюжее существо, которым часто изображают этого зверя, а как настоящий зверь – могучий, очень подвижный и крайне опасный хищник.

– До встречи! – кивнул он нам... и вдруг выпрыгнул за парапет террасы. Я ахнула дважды – сначала от испуга, а потом от восторга, когда в лучах восходящего солнца показался огромный серебряный дракон с багровыми глазами и великолепным багряным гребнем из полупрозрачных, точно стеклянных чешуек. Я первый раз видела дракона в истинном облике, и это зрелище поразило меня до глубины души.

– Вот это да! Ньес Гаррет, неужели все драконы такие? – Я провожала Сэлла взглядом, пока он не скрылся из вида. – Потрясающее зрелище!

– Все драконы разные, несса, – невозмутимо пояснил опекун. – Доедайте свой завтрак, вам пора на занятия.

Глава 4

Учение – свет

Этас, преподававший мне человеческий язык, был раньше учителем в местном университете. Человек, примерно мой ровесник, он был похож на средневекового монаха-фанатика из земных фильмов – худой, аскетичный, подстриженный в кружок, в длинной одежде, похожей на рясу, с высокими разрезами по бокам. Он был несколько мрачноват, зануден и прямолинеен. В разговоре строго придерживался границ преподаваемого предмета, причем излагал его настолько наукообразно и скучно, что мы за неделю едва осваивали полтора десятка слов. Меня он то ли боялся, то ли недолюбливал, так что о жизни людей я узнавала от Тиа – это было куда проще. Скорректировать учебный процесс в более практическом ключе мне долго не удавалось, хотя по части составления учебных планов я могла бы многому его научить. Я была настойчива, Этас – упрям, так что через некоторое время мы с ним начали злобно шипеть друг на друга. Гаррет, который регулярно заходил посидеть на моих занятиях, по-моему, следил за нашим противостоянием со спортивным интересом.

В один прекрасный день, доведенная до отчаяния нашими педагогическими разногласиями, я выбросила в окно амулет, которым Этас пользовался на уроках, и сказала, что буду слушать все объяснения только на человеческом языке, потому что лингвистом становиться не собираюсь, а учить хочу, для начала, разговорную речь. После пламенной (и тщательно законспектированной мной) речи на человеческом языке Этас ушел и пожаловался на меня Гаррету, но тот неожиданно для всех участников конфликта меня поддержал. Так что уроки стали чуть более живыми, а Этас – еще более недовольным.

Из этого инцидента я вынесла приличный запас человеческих ругательств, переведенных с помощью Тиа, чрезвычайно довольной этим происшествием. Ругательствами я временами пользовалась, очень смущая моего преподавателя. Он было попробовал меня приструнить, но как бы ни потешался надо мной Гаррет, дразня «птенчиком», я была далеко не ребенком и постоять за себя умела. Так что мы разошлись с боевой ничьей.

Самым экзотическим преподавателем был, конечно, третий – Грашх. Это был немолодой (Гаррет как-то обмолвился, что Грашху около пятисот лет) василиск. Выглядел он как крупный, в рост человека, ходящий на задних лапах хамелеон. Цвета, правда, не менял, неизменно оставаясь оливковым. Одевался Грашх в длинные мешковатые балахоны, скрывающие фигуру, и накидки типа мантии, которые волочились бы за ним по полу, если бы не магия. Как объяснила мне Тиа, василиски – патологические чистюли, поэтому заклинания, наложенные на подол мантии, заставляют ее парить на высоте пары миллиметров над землей. Выглядело очень забавно, особенно когда Грашх преодолевал порог или поднимался по лестнице – подол его балахона, как живой, обтекал преграду.

Меня ужасно интересовало, есть ли у него там, под мантией, хвост, но спрашивать об этом было почему-то неловко, так что я мучилась неизвестностью. А вот насколько безопасно смотреть василискам в глаза, осторожно выяснила у дракона. Земные легенды о василисках, по словам Гаррета, были глупыми предрассудками, хотя «взгляд у них тяжелый», вскользь заметил дракон.

Василиски специализировались на магическом усилении способностей и чувств – памяти, слуха, зрения. Обученный и магически подготовленный василиск становился настоящей ходячей библиотекой в комплекте с телескопом и микроскопом, поэтому большинство василисков работало в университетах и монастырях. Монастыри, кстати, здесь почти не имели отношения к религии, больше к магии и науке – настоящие научные городки

для тех, кто хотел учиться и вести исследования, не отвлекаясь на бытовые проблемы. В общем, в лице Грашха мне досталось суперсокровище, кладезь полезной информации о мире.

Со мной василиск вел себя как классический пожилой профессор: сетовал на бестолковую молодежь, ворчал и занудствовал. Но рассказывал интересно, да и предметы ему достались самые что ни на есть увлекательные. Одно только «строение мира» чего стоило – краткая версия, изложенная Гарретом, совершенно не удовлетворяла моего любопытства. Более же полная версия от Грашха дала много пищи для размышлений.

Множество никогда не пересекающихся миров, отстоящих друг от друга «на язычок свечи» и разделенных лишь гранью межмирья – одновременно тонкой и бесконечной границей «между плотью и духом, жизнью и смертью, сном и явью», – составляли ткань Большого Мира. Мирам этим была свойственна различная плотность и иные свойства, определяемые теми задачами, которые решали существа, воплощающиеся в этих мирах. Существа эти рождались в нужном мире, как правило, не помня предшествующих воплощений. Они проходили свой жизненный путь и умирали, либо переходя в следующий, либо снова возрождаясь в том же самом мире. В общем, в терминах земных религий, огромный круговорот бесчисленного множества постоянно реинкарнирующих душ проходил через бесчисленное количество разнообразных миров. Конечной целью всего этого процесса были отбор и обучение наиболее подходящих «профессии» Демиургов – творцов и создателей миров. Драконы, кстати, были последним этапом перед переходом души в новое, божественное качество.

– Ваши верования похожи на некоторые наши религии, – прокомментировала я рассказ василиска на первой лекции.

– Это не верования, несса, это знания. – Грашх, не мигая, долго смотрел мне в глаза, и я поняла, что имел в виду Гаррет, говоря о тяжелом взгляде. – Я, с вашего позволения, продолжу. – Я зачарованно кивнула и больше василиска не перебивала.

Новоявленные Демиурги пробовали свои силы, создавая малые миры, встраивая их в цепочку или, точнее, многомерную сетку Большого Мира, задавали параметры и задачи существ, которые должны были рождаться в них. Как и прочие, мой родной мир был одним из таких вот созданных, но при встраивании его в ткань миров Демиурги то ли чего-то не рассчитали, то ли так и было задумано – кто их, Демиургов, поймет... В общем, встал мир немного криво, почти прикоснувшись одной из сторон к Тассину, из-за чего проницаемость границы между двумя мирами оказалась довольно высокой. В результате этой особенности существа заселяли оба мира, практически как один – стык был особенно проницаем для невоплощенных сущностей. При этом свойства миров заметно отличались, а главным отличием было наличие магии на Тассине и почти полное ее отсутствие на Земле.

– Ну, то есть на этапе творения магия в вашем мире, конечно, была, – рассказывал Грашх, мечтательно глядя в окно правым глазом и строго – на меня левым.

– Давным-давно, когда сам мир был еще совсем молод, только вынут из божественного горнила, он был напоен магией, насыщен ею, как губка. Он весь был словно только что вынутое из печи стекло – чуть тронь, и форма становится совсем иная. Потом мир постепенно остыл, затвердевая в предначертанных ему границах, бурная эволюция успокоилась, многообразие существ сошло на нет, и в вашем мире остались по большей части немагические сущности... за исключением случайно угодивших в ловушку драконов. Но этот аспект бытия вы, я полагаю, успешно изучили на практике.

Постепенно жизнь входила в колею, я привыкала к присутствию в ней опекуна. Мне нравились наши совместные утренние трапезы, дракон был в это время очень «домашним». Он стучал в мою комнату, бодрый, с влажными после душа волосами, в белой просторной

рубаше и легком жилете. Вслед за ним в комнате появлялись магические слуги, так поразившие меня при первой экскурсии по Резиденции. Нам быстро сервировали столик у окна: фрукты и овощи, из которых мне была знакома едва ли половина, ужасно вкусный хлеб и разнообразные паштеты – овощные, мясные, рыбные, творожные, которые можно было намазывать на хлеб или ломтики овощей. Запивать завтрак полагалось молоком или рьебасом – очень вкусным ягодно-травяным настоем, похожим на чай и компот одновременно.

Вставать так рано было для меня испытанием, но во время завтрака можно было задавать любые вопросы, так что я быстро приучила себя к этому распорядку.

– Ньес Гаррет, а зачем это разделение на миры, если задача в конечном счете у всех одна – стать Демиургам? – поинтересовалась я как-то.

– Разные миры обладают различной пластичностью, позволяют реализовывать творческий потенциал в разном масштабе. На Земле тоже развиваются способности будущих Демиургов, просто не в масштабе мира. Задумайтесь, ведь недаром творческие профессии так уважаемы. Писатели, художники, режиссеры – все создают свои маленькие миры. – Гаррет уже поел и, откинувшись на спинку кресла, неспешно прихлебывал рьебас.

– А остальные? Или они вроде массовки? – Я торопливо дожевывала бутерброд с каким-то фиолетовым паштетом, мне казалось, что дракон недоволен, если я долго ковыряюсь с едой.

– Остальные тоже, просто они еще не доросли до того уровня зрелости, когда в орбиту их миров попадают другие существа. Самый простой способ творения миров – это мечты. Он же, правда, и самый опасный... – Гаррет сделал мучительно длинную паузу.

Я нетерпеливо заерзала.

– Почему?

Ответом мне была широкая довольная ухмылка. Кажется, мой опекун ставил на мне какие-то свои непонятные драконьи опыты. Полюбовавшись моей раздосадованной физиономией, он продолжал:

– Потому что оттягивает энергию от реальной жизни, а задача Демиургов – творить реальные миры. Если мечты варятся бесплодно только в голове автора, это пустое движение. Впрочем, это свойственно и некоторым драконам – мечтать об одном, а заниматься совсем другим. – Гаррет неодобрительно покачал головой. Я покраснела, мне показалось, что это камешек в мой огород, и поспешила закончить этот разговор.

– А новостей нет? – спросила я напоследок с плохо скрытой надеждой. Гаррет огорченно покачал головой. Я через силу улыбнулась, не желая показывать, как сильно это меня расстраивает, и нарочито легкомысленно пожала плечами. – На Земле такой бардак, не сразу и найдешь!

Этот вопрос я задавала каждый день, утром и вечером. А встречая Гаррета днем – просто очень-очень вопросительно на него смотрела... Новостей с Земли все не было. Как я выяснила, сын Гаррета, уже обретший крылья, отправился на Землю за своей алайей – он услышал ее призыв. На Земле искать драконов было очень сложно, магия практически не работала, связь была очень нестабильной. Сами драконы быстро теряли силы, и, непривычные к земным условиям, легко могли попасть в беду. От молодого дракона вот уже две недели не было известий, так что нервничали и терзались мы оба.

Еще одним поводом для беспокойства Гаррета было мое здоровье. По его словам, я выздоравливала ужасно медленно для дракона. Если я правильно поняла объяснения, это происходило потому, что более-менее значительные дозы магии мой организм не принимал. Дракон хмурился, сердито ерошил свои темные волосы и признавался, что не понимает, что со мной.

– Вы не похожи на других драконесс, которых мы привозили из вашего мира. Конечно, на моей памяти никого не привозили в таком возрасте, хотя где-то в литературе мне и попа-

дались упоминания... Обычно все случается лет на двадцать раньше, возможно, дело в этом. Но после... всех процедур у вас должна уже была запуститься детская магия. Не понимаю, почему этого не произошло! Вы, несса, вообще сплошная аномалия, – негодуя ворчал он.

– А что, есть еще что-то ненормальное? – поинтересовалась я. Мне-то казалось, что единственная ненормальность в том, что Гаррет считает меня драконом. Стоило убрать это допущение, и все становилось на свои места – и отсутствие магии, и медленное выздоровление, и нежелание иметь дело с алайями. Пару раз я намекала дракону на то, что, вероятно, аномалия в этом, но он только сердился. Я перестала поднимать этот вопрос, оставшись при своем мнении.

– Совершенно непонятно, например, как вы к нам попали, – задумчиво рассуждал между тем Гаррет. – Таких самопроизвольных переходов до сих пор не было. И эти ваши странные магические каналы... На первый взгляд их структура полноценно сформирована, но почему-то не впускает в себя энергию. И эти ранние роды в условиях магической блокады. В первую очередь странно, что вы до сих пор живы. На Земле драконы, оставив потомство, погибают в течение двух-трех лет – ведь в отсутствие магии все силы черпаются из ауры. Интересно, что стало с отцом вашей дочери... – Гаррет бросил на меня осторожный вопросительный взгляд, я сделала вид, что не понимаю, чего он от меня хочет. Дракон тяжело вздохнул и продолжал: – Полагаю, драконьи способы восприятия реальности вы потихоньку освоите, но вот в отношении активной магии у меня такой уверенности нет. И крылья вам скоро обретать пора... Когда вы немного окрепнете, мы исследуем природу ваших блоков подробнее. А сейчас дайте-ка мне взглянуть на ваши синяки!

– То есть мои родители, скорее всего, были драконами? – спросила я удивленно, покорно стаскивая рубашку. – Они погибли, когда мне было два года, правда, в обычной автокатастрофе.

– Ваш примитивный земной материализм просто очарователен, несса. – Гаррет хмыкнул, пробежавшись легкими пальцами по моему позвоночнику. – Все в материальном мире определяется параметрами более тонких структур. Ваше рождение исчерпало запас жизненных сил у ваших родителей. Способ смерти задается особенностями мира.

– А отец Маруси должен быть драконом? – тревожно спросила я.

– Судя по тому, что вы все еще живы, – вряд ли. А вот ваша дочь вполне способна оказаться драконессой, наша кровь сильна и должна вытеснять человеческую. Но тогда и вы погибли бы сразу после родов... Говорю же, вы – сплошная аномалия. – Мой опекун бережно поглаживал синяки кончиками пальцев.

– А на Тассине бывает такое, что от браков драконов и людей рождаются драконы? – заинтересовалась я. Вопрос, видимо, был для Гаррета неожиданным, руки, порхающие над моей спиной, замерли.

– Нет конечно! – Дракон казался изумленным. – Да и браков таких не может быть, как вам только в голову могло такое прийти!

– А что тут такого? На Земле получается, а тут почему-то нет, разве не странно? – удивилась в свою очередь я.

– Хм... – Дракон закончил осмотр спины и занялся моим затылком, пальцы зарылись в отросшие волосы. – У вас, несса, такая забавная логика. Драконы, попавшие на Землю, не имеют выбора, поскольку оказываются в своеобразной ловушке, да еще и не подозревают, что они драконы. Что до Тассина, то смешанных браков здесь не бывает, и может ли от таких браков быть потомство – неизвестно. К тому же драконам для полноценного зачатия необходима магия Драконьих гор, которые людям недоступны.

– В Драконьих горах совсем нет людей? – удивилась я.

– Нет и быть не может! Представители других рас не могут даже приблизиться к нашему континенту. – Гаррет потрогал мой нос и, закутав меня в одеяло, начал приди-

чиво рассматривать лицо. – О, синяки скоро совсем сойдут. Закройте глаза, я еще немного их подлечу, чтобы вы перестали бояться подходить к зеркалам, – улыбнулся он.

– Почему не могут? А зеркала я все равно не люблю. – Я послушно выполнила распоряжение дракона, и он накрыл мое лицо теплыми ладонями. По щекам и вокруг глаз забегали горячие щекотные «зайчики». Я уже знала, что, если подсмотреть в щелочку, они будут оранжевыми, а доктор будет ругаться, так что сидела смирно.

– Потому что это крайне опасно для всех, кроме драконов. А что не так с зеркалами? – Гаррет мягко прикасался кончиками пальцев к моим векам, «зайчики» приятно грели кожу вокруг глаз.

– Жаль. Я бы хотела взглянуть, хоть одним глазком, – протянула я, убаюканная расслабляющей процедурой. – А с зеркалами... Как-то я никогда себе в них особенно не нравилась...

– Демиурги, что за глупости вы говорите! – неожиданно вспыхнул Гаррет. Я резко открыла глаза. Дракон смотрел на меня, сморщившись, будто у него болели зубы. Заметив мой взгляд, он натянуто улыбнулся, потрепал меня по макушке и снисходительно произнес: – Вы очаровательная юная несса, Сашша, не любить зеркала у вас нет никаких оснований. А в Драконьи горы вы обязательно попадете – вы же дракон, не забывайте об этом.

Я промолчала. Он был неплохим стариканом, особенно в те редкие минуты, когда не занудствовал и не пытался вести себя со мной как с малым ребенком. Тем не менее от его постоянного и пристального внимания мне было не по себе. Иногда мне казалось, что он напряженно ждал от меня чего-то, чего я не делала. Я пыталась выяснить, что он от меня хочет и зачем со мной возится, но он неизменно уходил от ответов, а если я пыталась прижать его к стенке, просто отказывался отвечать.

– Позже, моя нетерпеливая несса, позже, – посмеиваясь, говорил он. – Вы еще практически ничего не знаете об этом мире. И вам противопоказаны серьезные нагрузки, так что не спешите.

Я старалась не давить на него, послушно кивала, лечилась, училась и страстно ждала новостей.

Глава 5

О ранних браках

– Я обучал Гаррета воинскому делу, когда он был совсем еще пацаном, горячим и бесстрашным. – Сэлл со вкусом отхлебнул из чашки горячего травяного чая. – Это потом жизнь его потрепала. Махнул на себя рукой, стал вести себя, будто ему не пятьсот, а пять тысяч...

– Гаррету пятьсот лет? – изумилась я. – А вам тогда сколько, Сэлл?

– Мне тысяча триста или тысяча четыреста, крошка, с возрастом перестаешь считать. – Старый дракон достал из вазочки очередной сушеный фрукт, похожий на миниатюрный баклажанчик. Однажды попробовав такой, я долго не могла избавиться от приторного вкуса во рту. Сэлл же готов был поглощать эти жуткие сладости в промышленных количествах. – В общем-то молодость для драконов, – он подмигнул мне, – просто жизнь без алайи очень уж тягостна, вот и становишься занудой. Да еще эти дела... – Он махнул рукой. Я воровато огляделась – Гаррет еще не вернулся, отбыв с утра по делам, и спросила:

– Сэлл, а что такое случилось с Гарретом, что он стал... таким?

– Таким старым и занудливым, хитрая маленькая несса? – гулко расхохотался Сэлл, но тут же посерьезнел. – Раннее обретение алайи сказало, мне кажется. Когда между алайи большая разница в возрасте, младшие тянутся за старшими и взрослеют быстро.

– А какая она, его алайя? – спросила я, не совладав с женским любопытством.

– Сильная, властная, жесткая, очень взбалмошная, – Сэлл усмехнулся, – сумасшедше красивая. Очень самоуверенная. Гаррета она очень долго пыталась вырастить под себя... не слишком успешно, впрочем. Видимо, это странное стремление свойственно всем взрослым драконам. Изменить его она так и не смогла, но он стал еще более серьезным и ответственным – в противовес ей. Ну и, конечно, Шорр тоже не сделал его моложе – обычно опекунов достается парам драконов, которые уже вырастили своих собственных детей. Но после гибели родителей малыш не подпускал к себе никого, кроме Гаррета.

– Я не знала, что Шорр – приемный сын, – пробормотала я.

– Гаррет слишком трясется над тобой, девочка, держит в хрустальной коробочке. Он стал чрезмерно осторожным, точно василиск во время линьки... Но мне кажется, что внутри Гаррета еще живо то пламя, которое делало его когда-то тем неистовым Золотым Рыцарем, о котором слагали песни.

– Песни? Вы шутите! – Я потрясла головой в веселом изумлении. – Вот уж не подумала бы!

– Он отличный парень, крошка, поверь мне. – Сэлл накрыл мою руку своей ладонью и чуть сжал ее, как будто пытался донести до меня что-то очень важное. – Ему просто нужно перестать чувствовать ответственность за весь мир.

Одним прекрасным счастливым утром меня разбудила Маруська.

– Мама, мама, как же я рада тебя видеть! – Она тормошила меня, смеялась и ревела одновременно. – Как я напугалась и как же рада, что ты нашлась!

Моя чудесная любимая девочка! Я не сразу поверила в свое счастье, и еще минут десять мы не способны были на членораздельные высказывания – обнимались, гладили друг друга по волосам, вытирали друг другу слезы, смеялись от радости, плакали от пережитого ужаса – все разом... Наконец Маруська чуть успокоилась и смогла рассказать о том, что произошло на Земле после моего исчезновения.

Я предупредила о том, что у меня намечается очередной приступ – и пропала. Первым всполошился мой шеф, который на следующее утро не смог мне дозвониться. Мобильник

был недоступен. Соседка видела меня входящей в парк, мои привычки были всем хорошо известны. Но в парке следов моего пребывания не обнаружили – я как в воду канула. Меня искали три месяца, мои коллеги поставили на уши больницы, милицию и волонтерские службы поиска людей, весь интернет был завален моими фотографиями – но все без толку. Несколько дней назад следователь сказал Маруське, что, судя по обстоятельствам дела, надежды практически нет.

– Ты не представляешь, как я обрадовалась, когда меня нашел Шорр и сказал, что ты жива, у тебя почти все в порядке и что он меня к тебе отведет! – Мы потихоньку успокаивались, так что изъяснялись уж не междометиями и отрывочными словами, а вполне вразумительными фразами.

– Он нашел бы тебя гораздо раньше, если бы у тебя работал мобильник, – заметила я. – Что случилось?

– Ну, понимаешь, я перед тем, как ты пропала, познакомилась с одним парнем, Леша его зовут, – замялась Маруська. – Дала ему свой телефон. А он, Леша этот, оказался каким-то странным. Приставал как-то противно, нахальный тип, в общем. Я это... симку поменяла. Ты не думай, если бы с твоего телефона звонок был пропущенный, я бы перезвонила. Я каждый вечер смотрела! А на звонки с незнакомых номеров боялась отвечать. Этот хмырь меня все равно как-то нашел, но я была уже с Шорром. Ух, как он ему врезал!

– Маруся, тебя одну нельзя оставлять! – горестно ахнула я. – Кто кому врезал?

Маруська оглянулась на дверь, и я запоздало поняла, что у нашей трогательной сцены были зрители. Молодой человек, на вид лет двадцати – двадцати пяти, неуловимо похожий на Гаррета, одетый с той же небрежной элегантностью, торжественно кивнул мне от двери:

– Несса Сашша, я очень рад с вами познакомиться. Все в порядке, это я... ммм... врезал тому странному человеку, который преследовал нессу Маррусю.

Гаррет покосился на сына, а затем снова уставился на нас со своим обычным невозмутимо-покровительственным видом. Выглядели мы, наверное, впечатляюще – зареванные, а я еще и всклокоченная со сна и со своими обычными синяками под глазами. От потрясения, хоть и счастливого, у меня ужасно разболелась голова – кажется, начинался очередной приступ мигрени. Хотя ради такого – пусть болит на здоровье! Но вообще, что за манера врываться в спальню к даме, когда она спит? Последний вопрос, вероятно, отразился на моем лице, потому что Гаррет чуть нахмурился и произнес:

– Простите, несса, что мы не дали вам даже проснуться толком, это моя вина. Мы с Шорром сейчас уйдем и вернемся позже, когда вы приведете себя в порядок.

– Ой, мама, это я их сразу к тебе потащила, прости, – без тени смущения покаялось мое чадо. – Так не терпелось тебя увидеть!

– Ньес Гаррет, я вам чрезвычайно признательна за то, что вы доставили сюда мое сокровище! – с чувством сказала я. – Конечно, в таком деле не может быть и речи о промедлении.

– Что вы, несса, не стоит благодарности. – Гаррет усмехнулся и удивленно покачал головой. – Да у нас и не было другого выбора, потому что несса Марруся оказалась алайей моего сына Шорра, что само по себе является некоторым юридическим казусом.

Он посмотрел на мое потрясенное лицо, прищурился, стремительно подошел к прикроватному столику, накапал лекарства в рюмку.

– Выпейте! Демиурги, вам же нельзя волноваться! И сколько уже раз я просил вас немедленно сообщать мне, если у вас болит голова. Зрачки уже во всю радужку, а вы молчите!

– Простите, не сообразила. Это... приятное волнение, ньес. – Я чувствовала себя заторженной и выпавшей из реальности. – Хотя сюрпризов, признаюсь, чуть больше, чем я ожидала.

– Да уж... – Гаррет пощупал мне пульс, пытливно заглянул в глаза, на минуту сжал виски прохладными пальцами. – Я и сам ошарашен такими... совпадениями. Вы держитесь молодцом, несса. Мы вернемся через час, хорошо?

Он кивнул, прощаясь, и оба дракона быстро покинули помещение.

Пока я одевалась-умывалась, Маруська рассказывала. От моих расспросов про «хмыря» она отмахнулась – все ее мысли занимал Шорр, в которого моя дочь влюбилась без памяти. Он успел ей немного рассказать про драконьи обряды, и теперь Маруська торопливо просвещала меня по поводу своих планов на ближайшее будущее. Оказалось, то, что у нас укладывалось в пару-тройку ритуалов – сватовство, помолвка, свадьба, у драконов растягивалось на долгие годы и осуществлялось в несколько сложных этапов. Если мы правильно поняли, это были церемонии, связанные с пробуждением магии в младшей «половинке» алайи и постепенном слиянии драконов в полноценную пару. Как там говорил Гаррет? «Слияние сердец, тел, чувств, разумов, магии и душ». Старший дракон, живущий в паре, с каждым таким ритуалом набирал силу, младший – открывал разные стороны своих способностей. Это был очень плотный союз, со временем становившийся практически симбиозом.

– Шорр сказал, что тысячелетия, отмеренные драконам для жизни, слишком длинны, чтобы провести их с кем-то чужим. – Дочка рылась в моем гардеробе из чисто спортивного интереса. Ростом она была гораздо выше меня, а в объёме существенно мне уступала. – Ой, у тебя тут такие платья красивые, мам! Смотри, какое чудесное, голубенькое! Нам с тобой так идет этот цвет! Наденешь его?

– Оставь, какие платья, – я поморщилась, – там должна быть синяя рубашка и черные штаны. Ага, вот эти. Спасибо! Скажи лучше, как тебе... жених? – Я с трудом верила, что моя дочь уже такая взрослая и что мы говорим о ее женихе. – Вообще не рановато вы? Может, сначала присмотритесь друг к другу?

– Мама! – Дочка восторженно закатила глаза. – Он просто предел мечтаний! Ужасно нравится! Да я млею, когда он просто со мной разговаривает. И как смотрит! Я когда его увидела, сразу почувствовала что-то такое родное-преродное. Мое-мое, понимаешь? Меня к нему притянуло, как магнитом, сразу. Как удар – вот оно! Любовь с первого взгляда. Я и не знала, что такое бывает, я как будто только его ждала – всегда. А он, представь, подошел ко мне у деканата и сразу говорит: «О прекрасная незнакомка, вы – любовь всей моей жизни!» – Маруська засмеялась счастливо. – И так, знаешь, говорит это, что я понимаю: это всерьез, а не то, чтобы прикалывался или по дури. А и правда – Любовь Всей Жизни! И прямо тепло стало на сердце, оно к нему как будто потянулось само.

– Да... – Я представила эту картину и покачала головой. В рассказах Тиа все выглядело весьма романтично, а вот в описании Маруськи – немного пугало. – А потом? Ты что же, сразу бросилась в объятия незнакомому мужчине?

– Ну, понимаешь, – чуть погрустнела моя девочка, – мне было немного не до романов. Леша этот дурацкий, потом мы тебя искали, и мне как раз только что сказали, что, наверное, и не найдем. – Она всхлипнула, бросила Тиа какую-то безделушку, которую крутила в руках, и снова обняла меня. – Так что, в общем, я сказала что-то вроде «да-да, это очень интересно, но у меня дела» и что пусть подойдет попозже, через полгодика. – Слезы часто закапали на мою шею.

– Все хорошо, мое солнышко, все хорошо, – погладила я ее по пушистым волосам. – Видишь, какая красивая у тебя получается сказка, с взаимправдашними чудесами. И я чудом нашла, и принц прекрасный...

– Ага! – Маруська утерла слезы и солнечно улыбнулась, будто и не плакала. – А Шорр говорит, мол, чудесно, у него тоже есть важное дело, ему очень надо найти Марусю Степнову,

она должна быть где-то здесь. И когда мы разобрались, что она – это я, – раз! – и выдал мне твое письмо.

– И что?

Я любовалась ею, до чего ладная и красивая у меня получилась девочка, и откуда что взялось. Забавно, что вовсе не похожа на своего отца, вот уж кто красавец был. Скорее в меня пошла – такие же голубовато-серые глаза, каштановые волосы, форма бровей. Но как-то оно так в ней соединяется, что получается она не просто миловидной девчушкой, какой я была в ее годы, а настоящей красавицей.

– Ну что я... Я – реветь, – рассмеялась Маруська. – Потом Леша этот притащился, как Шорра увидел, так сразу на него с кулаками бросился. Шорр ему наkostenял как следует, меня сгреб в охапку, посадил в машину. Мы долго-долго ехали и все разговаривали. Привез в какой-то лес дремучий, я даже испугалась немножко. Но тут он что-то такое странное сделал, и посреди леса прозрачный огонек загорелся, как дверь. Мы туда вошли и оказались здесь. И я сразу побежала к тебе! Мы, драконы, – очень оперативные существа, знаешь ли! – с гордостью задрала она свой точеный носик.

– Надо же, нахватались от Шорра эрр Рралловских поговорок, – улыбнулась я. А как быстро она приняла свою драконью природу как факт, я все не могу поверить...

– Шорр ужасно красивый, правда? – продолжала трещать Маруська. – И он совсем молодой по драконьим меркам, а такой умный, мы с ним о многом успели поговорить.

Моя девочка, проведя по волосам гребешком Тиа, преобразилась – волосы легли ровными волнами и как будто засветились изнутри. А вот мою шевелюру не брала эта эльфийская магия, волосы так и торчали в разные стороны. Гаррет, помнится, объяснил это тем, что мой организм магию, по сути, отторгает, вот магические амулеты и работают на мне вкривь и вкось. Слава богу, у Маруськи с магией, видимо, все в порядке, раз гребешок работает. Может, и с остальным будет так же, затеплилась во мне робкая надежда.

– Красивый, ага. А что до ума, Шорр, между прочим, старше меня, хотя по нему и не скажешь, – мрачно заметила я, глядя на себя в зеркало. Не зря Гаррет обзывает меня воробьем. Воробей и есть – маленький, взъерошенный, серенький и с синяками под глазами.

– Да ладно тебе, мам, – отмахнулась Маруська, поглощенная радостными мыслями, – для драконов и пятьдесят лет – не разница. Например, маме Шорра было почти пятьсот, когда она обрела ньеса Гаррета. Шорр говорил, ее называли «блистательная Шша», и она тогда считалась самой красивой драконессой Тассина.

– Интересно как! Надеюсь, она с тобой-то приедет познакомиться. Крайне любопытно будет на нее посмотреть, я ни разу не видела местных драконесс. Гаррет держит меня взаперти, – пожаловалась я.

– Мам, ты что, она же умерла давно, Шорр сказал, почти четыреста лет назад! – Маруська всплеснула руками. – Ньес Гаррет не сказал тебе? Погибла. Шорр говорит, его отец очень переживает до сих пор, там что-то очень мрачное. Тем более что новой алайи ему тоже не удалось найти, сначала долго не было, потом вроде был зов, он ездил за ней на Землю, но вернулся один...

– Новая алайя? – удивилась я. – Так бывает?

– Ну да! – Маруська рассеянно ковырялась в баночках Тиа, что-то там вынюхивая. – Обычно лет через двадцать после смерти прежней алайи, если такое случается, дракону полагается новая. Иногда гораздо позже; ньес Гаррет второй зов ждал три с лишним сотни лет. Вообще это типа закон мира, он редко не выполняется. Ой, а это что? – с любопытством показала она мне что-то голубоватое с блестками.

– Ммм... кажется, это такая помада. Если я не ошибаюсь, оно впитается в губы без следа, и они станут красивого цвета и в тон одежде, – напрягла я память. – И что с новой алайей?

– Ой, улёт! – Я не ошиблась, и Маруська, мазнув загадочной субстанцией по губам, еще больше похорошела. – Ну вот, не нашел. Это, кстати, считается у драконов ужасно плохим знаком, если алайя не находится. Что-то вроде признака вредной кармы – если дракону не везет в любви, значит, он неправильно живет. Хуже только, если его алайя найдется, но его не признает и не сможет полюбить, это совсем труба. Из-за всех этих несчастий ньес Гаррет и уехал сюда, хотя был крупной шишкой в себя в горах. И самый молодой дракон в их драконьем Совете за всю историю Тассина, и крутой герой...

Да-а, Маруська за пару дней знакомства с Шорром успела выяснить куда больше о Гаррете, чем я за почти два месяца знакомства с самим Гарретом. Разговорчивый юноша, учтем.

От мыслей об использовании «находки для шпиона» в личных разведывательных целях меня отвлекло появление драконов. Маруська тут же прильнула к Шорру, да и тот заметно повеселел и приосанился, когда сжал в руке ее ладошку. Красивая пара. Вот только как-то все неожиданно, быстро и сумбурно... А может, так и надо? Она совсем не такая, как я, может, ей и не достанется моих шишек, не придется отращивать броню и залечивать раны? Может, и есть толика правды во всех этих сказках – главное, попадать в них в правильном возрасте, не тянуть с этим делом. Впрочем, грех мне жаловаться, у меня теперь тоже все хорошо.

Гаррет выглядел очень довольным.

– Нессы, давайте присядем, я вам расскажу, как все будет – и в плане обряда, и в плане вашей дальнейшей жизни. – Гаррет усмехнулся. – В первую очередь мы проведем обряд для несы Марруси. Я бы дал вам осмотреться, барышня, но так оно спокойнее, а луны как раз стоят высоко, так что полетите прямо сегодня.

Маруська закивала, видимо, Шорр и об этом успел ей рассказать. Я почувствовала, что злюсь на Гаррета – мог бы и меня просветить, между прочим. Он правильно истолковал мои неласковые взгляды и пояснил:

– Первый обряд, скрепляющий алайи, которые обретают друг друга, – совместный полет. Шорр в своем драконьем облике отнесет нессе Маррусию к священному озеру, искупает в своей ауре. Завтра они вернутся, и аура Шорра оставит отпечаток в ауре его невесты. Магическая связь усиливается при определенном положении лун. Ну и полагается что-нибудь ей подарить. Шорр, не забудь!

– Да, папа. – Шорр не слушал, он косился на Маруську с неприкрытым обожанием, не особенно замечая все остальное. Надеюсь, все, что рассказывали мне Тиа и Грашх, соответствует действительности, и алайя – это действительно союз на всю жизнь... Так, гнать, гнать непрошеные мрачные мысли!

– Теперь понятно, откуда взялись сказки о драконах, похищающих принцесс. – Я чуть улыбнулась, сообразив. – Ну надо же, даже в этом нашлось рациональное зерно! А с нашей стороны требуется какая-нибудь подготовка к обряду?

– О, да вы этнограф, несса Сашша! – развеселился Гаррет. – Нет, подготовки не нужно. Драконы не любят вычурных ритуалов, главное – это то, что происходит в сердце и душе. В общем, до вечера отдыхайте, Шорра я пока забираю. Юная несса желает осмотреть свои покои или останется с... мамой? – поинтересовался он, чуть поморщившись.

Я ухмыльнулась. Ох уж мне эти предрассудки, везде они есть, даже у старых и вроде бы мудрых драконов. Хотя какое ему дело, в каком возрасте я родила, – я ж ему не дочь.

– С мамой, конечно! – Маруська отцепилась от Шорра и вцепилась в меня. Маленькая она еще, тоскливо подумалось мне, какие ей алайи. С другой стороны, приведи она Шорра знакомиться там, на Земле, он совершенно не вызвал бы у меня возражений. Правда, и до брака они бы с такой скоростью не докатились...

Я так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как драконы ушли. Мы с моей девочкой быстренько перекусили и в обнимку завалились на постель. От избытка переживаний обеих клонило в сон.

Проснувшись я к вечеру – за окном догорал закат. Маруся посапывала рядом, трогательно подложив ладошку под щеку, совсем как в детстве. Рыжая пушистая прядка свесилась ей на лицо и, видимо, щекотала нос – моя дочь смешно морщилась. Кто-то накрыл нас тонким пледом. Гаррет? На столике рядом с кроватью горела высокая витая свеча, а из гостиной доносились негромкие голоса.

– Ты ей так и не сказал? Ну ты даешь, отец! – Это Шорр.

– На бедную девочку и так столько всего свалилось. – Гаррет помолчал. – Ей нужно время, чтобы прийти в себя.

– Скажешь тоже! Эта «бедная девочка» смотрит как эmissар повелителя орков, если не хлеще. У меня душа в пятки ушла сегодня, как она глянула.

– Ну, нужно же ей было рассмотреть алайю дочери, – оправдал меня Гаррет. – У них земное воспитание и мировоззрение, учитывай это с нессой Маррусей.

Пожалуй, дракон слегка преувеличивал, утверждая, что сорок – пятьдесят лет – это глубокое детство. Скорее все-таки подростковый возраст. А некоторые подростки здесь довольно нахальные.

– Что это такое вы скрываете от меня, нъес Гаррет? – хриплым со сна шепотом спросила я темноту. В гостиной, судя по звуку, подпрыгнули, кто-то закашлялся, кто-то захихикал. – А вам, нъес Шорр, я бы не советовала хихикать над будущей тещей, это вредно для здоровья, – добавила я и с удовлетворением услышала, что поперхнулись оба.

– Давайте отпустим молодежь, несса Сашша, – с легкой улыбкой произнес Гаррет, подходя к кровати и помогая мне подняться. – Я бы хотел с вами поговорить. С детьми все ясно, а нам нужно подумать и о нашем будущем.

– Мы уже уходим, – с радостным облегчением заявил Шорр. Он подскочил к кровати, подхватил на руки сонную Марусяку и... сиганул в окно.

– Боже! – Я рванулась следом, но не рассчитала сил и рухнула, задыхаясь, на руки вовремя подоспевшего Гаррета. Когда мы добрались до окна, то увидели только смазанную тень, мелькнувшую над горой.

– Вот бестолковый пижон! – в сердцах выругался Гаррет. – Ну, какая ему алайя, у него же ветер в голове! Ни поесть не взял, ни одеял теплых, ни штанов запасных. Будет теперь всю ночь в драконьем облике сидеть, греть алайю свою, шалопай! Все-таки правы были наши предки, не позволяя алайям первого полета до семидесяти лет.

– А почему сейчас все происходит так рано, нъес Гаррет? – подала голос я. – Наши дети так молоды, действительно, не слишком ли поспешен их союз?

– Вам ли говорить, несса? Вы были ровесницей нессы Марруси, когда у вас родился ребенок, – рассерженно покачал головой Гаррет. – Ваша поспешность, возможно, стоила вам магии, и еще неизвестно, справимся ли мы с ее последствиями. – Его голос дрогнул. – Драконы без магии живут немногим больше людей.

– Я никогда не собиралась жить слишком долго, – легкомысленно пожала плечами я. – И с рождением ребенка я, по людским меркам, была не так уж и поспешна. Взгляните на них, – я улыбнулась, – разве это не счастье для родителей, когда дети находят друг друга?

Гаррет подавленно молчал. Я рассердилась и возмущенно закончила:

– Нъес, поставьте меня, пожалуйста, на пол! Что вы все время таскаете меня на руках, как ребенка, в конце концов?

– Вы и есть ребенок! – Гаррет аккуратно усадил меня на кровать и взъерошил мои волосы. – Маленький ребенок. Вы младше Шорра на полтора десятка лет, если вам интересно. А он, сами видели – сущий младенец!

– Не передергивайте, ньес, я уже прикинула: если проводить параллели с человеческим возрастом, то Шорр скорее подросток, чем совсем уж ребенок. А я так вообще особенный случай.

– Вас не проведешь, – усмехнулся Гаррет, снова протягивая руку к моим волосам. Я сердито отдернула голову, Гаррет покачал укоризненно головой, но руку убрал.

– Интересно, а почему драконы взрослеют настолько медленнее людей? – задумчиво проговорила я. – И почему я, хотя и дракон, взрослела с человеческой скоростью? Я же не отставала в развитии от человеческих сверстников...

– Я думаю, дело в магии и объеме сознания. – Гаррет пожал плечами. – Человеческому ребенку нужно освоить тело, после чего идет психологическое взросление. Юным драконам нужно еще обуздать свою магию. Представьте, что у вас каждый день отрастает новая конечность, меняется баланс тела и нужно снова и снова привыкать к обычным действиям. Работа с магией отвлекает на себя все ресурсы. Вот и получается, что зрелости, эквивалентной человеческим тридцати – тридцати пяти годам, мы достигаем хорошо если к тремстам. Впрочем, как только мы разберемся с вашей магией, вы тоже перестанете взрослеть – все силы уйдут на работу с новыми способностями.

– Что же вы женитесь так рано, – ворчливо заметила я, – к чему это? Нет бы с магией разобрались!

– Чем раньше юный дракон обретает своего старшего алайю, тем глубже их союз. Что касается собственно полетов, это довольно недавняя традиция, и, уверяю вас, она оправданна. – Дракон внимательно посмотрел на меня и насмешливо прищурился. – А давайте, о умудренная жизнью несса, вы сейчас выпьете теплого молока, и мы поговорим о разных вещах, которые, уверен, вы найдете весьма любопытными, – вкрадчиво сказал он, заговорицки понизив голос. – Согласны? Впрочем, что я спрашиваю, по моим наблюдениям, любопытство – это восемьдесят процентов вашей натуры, так что вы обязательно согласитесь.

– Да, согласна, – с достоинством ответила я, не обращая внимания на его подначки. Тоже мне, открыл Америку, я с детства знаю, что любопытство – это мое основное достоинство!

Глава 6

Драконье зрение

Мы поднялись на террасу, – Гаррет вдруг расщедрился и позволил мне доковылять до нее самой.

– Думаю, вы окрепли достаточно, чтобы переходить к следующему этапу, Сашша, – сказал он. – Теперь к вашим занятиям мы добавим физкультуру. Будете много гулять, начнете упражняться с клинком.

Я поморщилась, и Гаррет поспешил подсластить пилюлю.

– Если будете стараться, через пару месяцев я разрешу верховую езду, – лукаво подмигнул он мне. – Вы говорили, что занимались раньше.

– Да, в молодости я ее ужасно любила, – рассеянно кивнула я.

Гаррет запрокинул голову и расхохотался.

Я вспомнила свое собственное бурное веселье, когда четырехлетняя Маруська степенно выдала мне: «Когда я еще была маленькая...» Все относительно. Гаррет, с его пятью веками за спиной, наверное, имеет право так веселиться, хотя это меня и раздражает. Интересно, а как старшие драконы воспринимают самого Гаррета? Тоже третируют своей высокомерной снисходительностью? Сэлл вот точно не такой. И его «крошка» и «детка», как кажется мне, скорее относятся к разнице в габаритах, чем к возрасту.

– Ньес Гаррет, а почему у Сэлла такие странные глаза? – спросила я, вспомнив, что давно собиралась задать этот вопрос. – Драконы с возрастом теряют человеческий облик?

– Драконы перестают использовать человеческий облик, да. – Мужчина привычно покрутил на пальце кольцо. – Но это случается гораздо позже, после семи-восьми тысяч лет. У Сэлла другое; в детстве родители увезли его с собой в один из других миров, и там погибли. Сэлл не рассказывал, что произошло, но когда его через сорок лет нашла его алаяя, он был слеп и из последних сил сражался против каких-то безумных существ, объявивших на него охоту. На Тассине после обретения крыльев он смог видеть драконьими глазами. Но попади он, скажем, на Землю, – снова ослепнет без магии.

– А его алаяя? – спросила я.

– Погибла, – неохотно ответил Гаррет. – Давайте сменим тему, Сашша, в такой чудесный вечер не хочется говорить о печальном.

– Давайте, – покладисто кивнула я.

Вечер и правда был чудесным. Солнце не так давно скрылось, на постепенно темнеющем небе восхитительного фиолетового оттенка, характерного для Тассина, зажглись первые звезды. Как рассказал мне Грашх, Тассин расположен к центру своей галактики несколько ближе, чем Земля – к центру Млечного Пути, поэтому звезды здесь куда крупнее, а ночи такие светлые.

– Расскажите мне немного о себе, несса, – неожиданно попросил дракон. – Кем были ваши родители, что вы любили в детстве? Может быть, какие-то интересные случаи...

– Зачем вам? – изумилась я.

– Интересно. – Гаррет смотрел на меня спокойными честными глазами. – И потом, чем больше я о вас буду знать, тем лучше я смогу вам помочь здесь устроиться. Я знаю, что вы не доверяете мне, но не вся же ваша жизнь – сплошная тайна? – Он провокационно улыбнулся.

– Жизнь как жизнь, ничего особенно интересного, – пробормотала я. – Родителей не помню, они погибли, когда мне не было и двух лет, меня воспитывал дедушка. Вообще он не был мне родным. Мой дед – мамин отчим, бабушка тоже умерла очень рано. Наша

соседка даже считала, что на нашей семье лежит проклятие. Но, видимо, это из-за того, что рождались драконы, если я правильно вас поняла. – Гаррет сосредоточенно кивнул, и я продолжала: – Дед работал заведующим отделением хирургии в больнице, так что я его видела не очень часто, он все время был занят. Но меня очень любил, заботился обо мне. Потрясающий был человек... – Я закусила губу, вспомнив деда. На глаза запросились слезы, но я сдержалась.

– Сколько вам было, когда его не стало? – Дракон успокаивающе погладил меня по руке.

– Только исполнилось восемнадцать, – глухо ответила я.

– Вы ведь очень рано вышли замуж, верно? Даже по земным меркам? – Гаррет внимательно смотрел на меня в ожидании ответа.

На меня нахлынули воспоминания. Мне семнадцать, я смотрю на себя в зеркало в ЗАГСе, тоненькая и болезненно хрупкая, утонувшая в пене пышного белого платья. А рядом стоит Алекс, прекрасный, как скандинавский бог, голубые глаза не отрываются от моего лица. Чуть в стороне – печальный дед, который так не хотел, чтобы я рано выходила замуж... Вот мы у Алекса дома, и он благоговейно снимает с меня сначала туфельки, потом чулки, а потом у него внезапно кончается терпение, и он набрасывается на меня с неистовым желанием, причиняя боль. Я плачу, и он снова ненадолго становится нежным. Со временем периоды боли будут становиться все длиннее, а нежности – все короче. И это будет продолжаться долгих два года...

Я вздрогнула – Гаррет взял меня за руку и, встревоженно заглянув в глаза, повторил свой вопрос:

– Так в каком возрасте вы вышли замуж, несса?

– В семнадцать, а что такого?

Я только собралась закрыть эту неприятную для меня тему, как на меня обрушился приступ головной боли и дикой, всепоглощающей паники. Так неожиданно эти приступы не начинались еще никогда, я схватилась за голову и застонала.

– Несса! Сашша! Что такое? – Голос Гаррета доносился до меня как сквозь вату, а поле зрения стремительно сужалось, предвещая спасительный обморок.

– Голова... болит, – прохрипела я, отключаясь.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Я пришла в себя очень быстро, судя по тому, что мой оперативный опекун даже не успел уложить меня в постель, только снять боль. К моему изумлению, голова совершенно не болела, осталась лишь изнуряющая слабость.

– Боже, ньес Гаррет, вы настоящий волшебник! На Земле эти приступы длились по несколько часов и их ничем нельзя было прекратить! – Я восхищенно воззрилась на опекуна. – Вы просто не представляете, до чего приятно знать, что на Тассине на них нашлась управа!

Все еще перепуганный Гаррет помог мне добраться до спальни, и лишь убедившись, что я в полном порядке, устроил мне настоящий допрос с пристрастием.

– А что, собственно, изменилось в вашей жизни, когда вам стукнуло пятнадцать лет, несса? – спросил он, когда понял, что я рассказала ему все, что знала о своих мигренях. – Вы пережили какой-то стресс? Болели?

– Нет, в том-то и дело, что ничего подобного, – недоуменно ответила я. – Основные стрессы были или гораздо раньше, когда я потеряла родителей, или позже, когда я расставалась с мужем, но это я с вами обсуждать не намерена, уж извините. – Я с твердостью выдержала взгляд опекуна, и он отступил.

– Странно, очень странно. Готов поклясться, что эти боли имеют магическую природу. И всплеск паники – еще более странная черта. Я думал, каналы заблокированы из-за

родов, но что-то должно было случиться раньше... Впрочем, возможно, это два независимых или неодновременных события, – задумчиво бормотал дракон себе под нос. – Скорей бы вы уже окрепли достаточно, чтобы мы могли заняться вашей магией, Сашша...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.